
Кэти М. Ди
Моя Зима
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Кэти Ди
Моя Зима

https://litres.ru/74938863
SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, в горах воздух чище, а чувства острее. Но Аня ехала туда за тишиной, а нашла ураган по имени Руслан.

Дерзкий, закрытый, привыкший играть по своим правилам — он совсем не из тех, кого выбирают правильные девочки. А она — совсем не та, кем он привык увлекаться. Семь дней под одной крышей, десятки поводов держаться подальше и всего одна искра, способная сжечь все старые страхи дотла. Если, конечно, прошлое не ударит первым

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	29
Глава 4	37
Глава 5	46
Глава 6	58
Глава 7	65
Глава 8	74
Глава 9	84
Глава 10	99
Глав	110
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Кэти Ди
Моя Зима

Глава 1

Если бы меня попросили описать ад на земле, я бы не стала выдумывать котлы и чертей. Я бы просто включила бас на полную громкость, облила пол липким энергетиком и заперла себя посреди танцпола, где сто пятьдесят человек в горнолыжных костюмах прыгают так, будто завтра конец света.

— Ань, ну не стой ты как памятник! — Вика перекрикивала музыку, размахивая пластиковым стаканом с чем-то неоново-оранжевым. — Мы в Поляне! Снег, горы, каникулы! Улыбнись, а то тебя сейчас за Снежную Королеву примут и начнут фоткаться!

— Я улыбаюсь, — соврала я, вцепившись в свой бумажный стаканчик с глинтвейном так, словно это был спасательный круг.

На самом деле я мечтала только об одном: чтобы кто-нибудь случайно выдернул шнур из розетки. Весь этот панорамный бар на высоте полутора тысяч метров гудел, вибрировал и пах мокрой шерстью, дорогим парфюмом и жареным мясом. Вика была в своей стихии — раскрасневшаяся, с растрепанными после склона светлыми волосами, она уже

успела познакомиться с половиной барной стойки. А я сидела на высоком табурете у самого края, в своем объемном молочном свитере, который казался здесь верхом нелепости среди кислотных комбинезонов и блестящих топов.

— Короче, я на танцпол, там такой симпатичный инструктор глазами стреляет! — Вика чмокнула меня в щеку, оставив след от блеска для губ. — Не кисни, ладно? Закажи себе еще чего-нибудь!

И растворилась в толпе.

Я вздохнула, подтянула колени к подбородку и уставилась в панорамное окно. За стеклом медленно падали огромные хлопья снега, подсвеченные прожекторами. Вот там было красиво. Тихо, спокойно, по-настоящему зимне. А здесь...

Бас грохнул с такой силой, что вибрация прошла по всему телу, заставив дрожать даже зубы.

Я невольно перевела взгляд на возвышение в центре зала, где стоял диджейский пульт. До этого я старалась туда не смотреть, но новый трек заставил поднять голову. Вместо привычной тусовочной попсы по залу поплыл тяжелый, вязкий, но невероятно цепляющий бит.

За пультом стоял парень.

Он даже визуально выпадал из всей этой пестрой толпы. Никаких ярких лыжных курток — простая черная футболка, из-под которой на предплечьях выглядывали темные татуировки: какие-то острые геометрические линии, переходящие в контур горного хребта. Темные волосы растрепаны

так, словно он только что снял шапку и даже не подумал посмотреться в зеркало, на шее — тонкая серебряная цепь.

Он не улыбался толпе, не махал руками, как это обычно делают диджеи, чтобы завести зал. Наоборот — смотрел на прыгающих людей с таким слегка презрительным прищуром, будто делал им огромное одолжение тем, что вообще стоит здесь. Но пальцы по кнопкам и фейдерам летали с какой-то пугающей точностью.

На секунду он оторвался от своего занятия и поднял взгляд.

Я даже моргнуть не успела — его темные глаза наткнулись прямо на меня. Я сидела в стороне, в своем дурацком уютном свитере, с нетронутым глинтвейном, и смотрела на него во все глаза.

На секунду мне показалось, что уголок его губ дернулся. Не в улыбке — скорее в усмешке, мол: *«А ты-то как сюда забрела, домашняя?»*

Я тут же уставилась в свой стаканчик, чувствуя, как щеки мгновенно заливает предательский жар. Ну отлично, Аня. Пялилась на незнакомого парня как школьница, еще и спалилась.

Воздуха в баре катастрофически не хватало. Стало душно, в висках застучало. Решив, что если я не выйду на улицу прямо сейчас, то просто расплавлюсь здесь от жары и собственного идиотизма, я спрыгнула с табурета и пошла к двери, ведущей на открытую террасу.

Толпа у выхода сгустилась. Кто-то толкнул меня в плечо, я дернулась, стараясь не расплескать остатки напитка, толкнула дверь плечом — и ровно в ту же секунду кто-то рванул ее с другой стороны.

Сильный удар. Тяжелый, глухой звук. И мгновенный, обжигающий всплеск

— Блядь... — вырвалось у кого-то низким, хриплым голосом прямо надо мной.

Я замерла, боясь поднять голову. Мой взгляд уперся в мужские кеды — судя по всему, дорогие и, судя по всему, бывшие когда-то идеально черными. Теперь по носку правого кроссовка медленно стекала темно-бордовая лужица моего глинтвейна. А на дне стаканчика сиротливо покачивалась долька апельсина.

— Ой... — только и смогла выдавить я. — Ой, господи, простите! Я не специально, там толкнули, я не видела...

Я судорожно полезла в карман за бумажными платочками, вытащила целый комок и тут же присела на корточки, пытаясь оттереть его обувь.

— Эй, стоп, ты чего творишь? — Меня мягко, но твердо потянули за плечо вверх.

Я медленно выпрямилась и наконец-то рискнула поднять взгляд.

Передо мной стоял тот самый диджей. Вблизи он оказался еще выше, чем казалось со стороны — мне пришлось задрать голову, чтобы посмотреть ему в лицо. От него пахло

морозом, терпким табаком и чем-то древесным.

Он посмотрел на свой испорченный кроссовок, потом перевел взгляд на мой скомканный платочек в руке, а затем — мне в глаза. Его брови сначала были сдвинуты к переносице, но постепенно раздражение на лице сменилось искренним недоумением.

— Ты сейчас серьезно собралась оттирать влажной салфеткой? — спросил он. Голос у него был спокойный, без крика, но почему-то перекрывал даже гул из-за двери.

— Она сухая, — пискнула я, чувствуя себя полной идиоткой. — То есть бумажная. Я правда не хотела! Давайте я... не знаю, химчистку оплачу? Или новые куплю?

Он хмыкнул, засунул руки в карманы черных джинсов и наклонил голову набок, разглядывая меня так, будто я была редким зверьком, случайно забредшим на стройку.

— Новые купишь? А ты знаешь, сколько они стоят, Снегурочка?

— Я не Снегурочка, я Аня, — буркнула я, окончательно сгорая от стыда. И тут же добавила: — Сколько бы ни стоили, я виновата.

Он молчал секунды три. Снег падал ему на плечи, мгновенно тая на горячей коже. В его глазах плясали смешинки — он явно развлекался, глядя на мою панику.

— Ладно, Аня, — протянул он, усмехнувшись уже вполне открыто. — Считай, что ты меня спасла. Мне эти тапки все равно жали. Но должок за тобой.

— Какой должок? — настороженно переспросила я.

— Придумаю. — Он подмигнул, обошел меня и толкнул дверь обратно в душный зал, бросив через плечо: — И не стой на сквозняке в одном свитере, простынешь.

Дверь захлопнулась, отрезав грохот музыки. А я так и осталась стоять на морозной террасе, сжимая в кулаке дурацкий бумажный платочек и чувствуя, как сердце колотится где-то в районе горла.

Похоже, спокойные каникулы накрылись медным тазом в первый же вечер.

Я простояла на террасе еще минуты две, пытаясь привести дыхание в норму и остудить горящие щеки. Морозный воздух приятно щипал нос, но руки начали стремительно замерзать.

Дверь снова распахнулась, и на террасу вылетела Вика.

— Ань! Ну ты где пропадаешь?! Я тебя по всему залу обыскалась, уже думала, ты в сугробе закопалась! — Она схватила меня за локоть и потянула обратно в тепло. — Пошли скорее, я тебя сейчас с кое-кем познакомлю!

— Вик, погоди, стой! — я уперлась ногами в порог, лихорадочно оглядывая зал, чтобы не наткнуться взглядом на диджейский пульт. — Слушай, мне, наверное, лучше пойти в номер. Я тут немного накосячила...

— Чего? — Вика даже притормозила, недоверчиво глядя на меня. — Ты? Накосячила? Ты же за весь вечер из угла не выходила! Кого-то случайно толкнула? Ой, забей, тут поло-

вина зала уже на ногах еле стоит, никто и не вспомнит! Пойдем, не порти мне коннект!

Не давая мне вставить ни слова, она втащила меня обратно в грохочущий зал и буквально за руку протащила через танцпол к барной стойке.

Там, прислонившись бедром к деревянной панели, стоял парень. Выглядел он как ожившая реклама горнолыжного курорта: идеальная белозубая улыбка, аккуратно уложенные русые волосы, ярко-синий профессиональный костюм инструктора и уверенная поза человека, который точно знает, что нравится девушкам. Рядом с ним, лениво потягивая что-то из бокала, стоял еще один парень — коренастый, в черной толстовке, но на него я почти не обратила внимания.

— Дим, знакомься, это моя лучшая подруга Аня! — сияя, объявила Вика. — Аня, это Дима, он тут главный бог всех трасс!

— Ну, насчет бога ты загнула, но на доску поставлю кого угодно, — улыбнулся Дима, протягивая мне руку. Рукопожатие у него было крепким, теплым и каким-то чересчур правильным. — Привет, Ань. Вика сказала, вы только сегодня прилетели?

— Привет. Да, пару часов назад, — я выдавила из себя вежливую улыбку, стараясь не кривиться от громкой музыки.

— И как впечатления? Уже присмотрели трассы на завтра?

— Честно? Я пока присмотрела только мягкий диван и кружку чая, — призналась я. — Я вообще на лыжах последний раз в школе на физкультуре стояла. И то упала, еще не выйдя из раздевалки.

Дима не сдержался и открыто расхохотался, причем смеялся он совершенно по-доброму.

— Так это же идеальный расклад! Чистый лист, не придется переучивать. Слушайте, девчонки, завтра в десять утра на учебном склоне почти никого не будет, все отсыпаться будут после сегодняшнего. Приходите, я вас обеих бесплатно прокачу, покажу базу. Вика уже согласна, дело за тобой.

— Ань, ну согласись! — Вика толкнула меня в бок и сделала страшные глаза. — Не в номере же все каникулы сидеть! Тем более Дима обещает, что мы не убьемся!

Я посмотрела на сияющую подругу, потом на добродушного, улыбчивого Диму. Отказывать было неудобно — Вика и так тащила меня в эту поездку полгода, чтобы я вылезла из-за своего рабочего стола.

— Ладно, — выдохнула я. — Только поклянитесь, что не потащите меня на черные трассы.

— Слово инструктора, — Дима шутливо приложил руку к груди. — Только зеленые и самые пологие.

В этот момент музыка в зале резко сменилась. Вместо привычного клубного ритма по колонкам ударил тяжелый, агрессивный бас, от которого зазвенели бокалы на стойке. Я невольно дернула плечом и бросила быстрый взгляд на ди-

джейский пульт.

Парень стоял там же, сдвинув наушники на одно ухо. Он смотрел прямо на нашу компанию у бара. Когда наши взгляды снова встретились, он не стал улыбаться — просто медленно приподнял бровь, перевел взгляд на безупречного Диму, который как раз что-то весело жестикулировал рядом со мной, и снова посмотрел на меня. В его взгляде читалось такое явное, насмешливое «Ну-ну, Снегурочка, далеко пойдешь», что я снова почувствовала, как к щекам приливает краска.

— Ань, ты чего вся красная? — тут же заметила Вика, щурясь. — Жарко?

— Очень, — выдохнула я, отворачиваясь от пульта. — Все, ребята, я правда пас. У меня глаза слипаются, перелет добил. До завтра, Дим! Вик, напиши, как пойдешь домой, ладно?

— Ладно, беги заряжать батарейки, Золушка! Встречаемся у подъемника в десять, смотри не проспи!

Я кивнула и почти бегом направилась к выходу, стараясь не оглядываться на пульт. Мне казалось, что спину буквально прожигает насмешливый взгляд темных глаз.

Глава 2

Ровно в десять утра я чувствовала себя так, будто меня упаковали в скафандр и забыли приложить инструкцию по эксплуатации.

Мы стояли возле пункта проката — огромного деревянного ангара у самого подножия склона, откуда с утра пораньше уже несло свежим морозным воздухом, кофе из соседнего киоска и запахом влажной экипировки.

Вика выглядела как неоновый фламинго, решивший покорить Эверест. Ее кислотно-розовый комбинезон слепил глаза даже без солнца, отражаясь от белого снега. Я рядом с ней смотрелась как зефирка: мой комбез был нежно-голубого цвета, с пушистыми белыми меховыми отворотами на рукавах. Когда я его заказывала в интернете, мне казалось, что это ужасно мило. Сейчас, глядя на суровых райдеров вокруг в черной мембране и с потертыми досками, я подозревала, что похожа на сбежавшую из детского утренника снежинку.

— Ну что, покорительницы вершин, готовы? — Дима появился из-за угла с охапкой оборудования, сияя так, словно не он вчера до двух ночи тусил в баре. — Я тут подумал: сноуборд в первый день — это гарантированные синяки на пятой точке. Начнем с классики. Встаем на лыжи!

— О, я знала, что ты о нас позаботишься! — защебетала Вика, тут же подставляя руки под ботинки, которые он ей

протянул.

— Конечно. Я же обещал вернуть вас в целости. — Дима с деловым видом оглядел нас с ног до головы и вдруг усмехнулся. — Так, секунду. Непорядок. У вас тут высокий стиль, а шлемы нам выдали серые, как кастрюли. Ждите здесь, я сейчас включу свои связи.

Он скрылся обратно в дверях проката, а я переступила с ноги на ногу, пытаясь привыкнуть к толстой подошве зимних сапог.

— Вик, ты во сколько вчера пришла? — шепотом спросила я, косясь на вход. — Я вырубилась мгновенно, даже не слышала, как дверь хлопнула.

Поправив розовую шапку, Вика бросила лукавый, с прищуром, взгляд.

— В три. Мы с Димой еще в кофейне на набережной сидели, болтали. Слушай, Ань, он такой классный! Не то что эти московские понторезы. Простой, заботливый, с руками. И, между прочим, он тут всех знает — у него друзья в большом шале живут прямо у подъемника...

Договорить она не успела. Дверь проката распахнулась, и вышел Дима, торжественно держа в руках два шлема. Один — ярко-белый с розовой полосой по центру, второй — матовый, светло-голубой, почти точь-в-точь в тон моему комбинезону.

— Вуаля! — Он с шутливым поклоном вручил мне голубой. — Пришлось пообещать кладовщику, что я научу

его племянницу поворачивать плугом, но красота требует жертв.

— Ой, спасибо! — невольно улыбнулась я, примеряя шлем. — Теперь я хотя бы буду падать эстетично.

— Никаких падений, только грация, — подмигнул Дима. — Так, девчонки, переобуваемся в горнолыжные ботинки. Сразу предупреждаю: ощущения будут специфические.

«Специфические» — это мягко сказано.

Когда я застегнула все четыре пластиковые клипсы на правом ботинке, а потом на левом, мне показалось, что мои ступни залили бетоном. Нога не гнулась вообще. Ни в щиколотке, ни в подъеме.

— Ань, посмотри на меня, — простонала Вика, пытаясь сделать первый шаг. Она качнулась вперед, взмахнула руками и едва не ухватилась за скамейку. — Я робот Вертер! Как люди в этом вообще ходят?!

— Не ходят, а переваливаются, — со смехом прокомментировал Дима, легко подхватывая свои лыжи на плечо. — Правило первое: не пытайтесь идти с пятки на носок, как в кроссовках. Ставите ногу плашмя, колени чуть вперед, корпус не заваливаем. Идем, как пингвины. Погнали к учебному склону!

Процессия из нас троих до самого выхода к трассе выглядела, наверное, как цирковой номер.

Мы с Викой семенили за Димой мелкими, деревянными шажками, прижимая к себе выданные палки и лыжи, кото-

рые так и норовили стукнуться друг о друга. Я вцепилась в свои лыжи обеими руками, боясь, что если одна выскользнет, то я просто не смогу нагнуться, чтобы ее поднять — в этом скафандре я сомневалась, что дотянусь даже до собственных коленей.

— Дим, а далеко еще? — пыхтела я, чувствуя, что к моменту выхода на снег я уже устала так, будто пробежала марафон. — У меня ощущение, что я иду на ходулях по льду.

— Двести метров, держись, Снежинка! — обернулся он, улыбаясь. — Вик, ты там как? Не отставай, а то потеряем такой яркий маяк!

— Я в норме! Просто отрабатываю походку от бедра! — отозвалась подруга, хотя по ее лицу было видно, что она готова проклясть все зимние виды спорта разом.

Наконец мы выбрались на открытую площадку перед учебным склоном.

Снег здесь был идеально ровным, слепяще-белым под утренним солнцем, а сам склон оказался совсем пологим — скорее длинная широкая горка, чем страшная гора, которую я рисовала себе ночью. Народу действительно было немного: пара семей с детьми да несколько новичков в ярких жилетах инструкторов.

— Так, привал! — скомандовал Дима, бросая свои лыжи на снег. — Кладем снарягу параллельно склону, чтобы не укатилась вниз сама по себе. А то был у меня один ученик — отпустил лыжу, и она уехала до самой нижней станции

быстрее него.

Мы с Викой с облегчением уложили свои лыжи на снег. Я выдохнула, поправила меховые манжеты и застегнула шлем под подбородком.

— Прежде чем встегиваться, делаем разминку, — Дима встал напротив нас, уперев руки в бока. — Суставы должны проснуться, иначе после первого же резкого движения завтра с кровати не встанете. Повторяем за мной: наклоны головы, плечи, корпус…

Мы послушно начали махать руками, крутить корпусом и приседать — насколько вообще позволяли эти чертовы бетонные ботинки. Со стороны это смотрелось настолько нелепо, что мы с Викой переглянулись и прыснули со смеху. Дима, глядя на нас, тоже заулыбался:

— Отлично, настрой боевой! Теперь самое главное — учимся правильно падать.

— В смысле — падать?! — насторожилась я. — Ты же обещал, что без падений!

— Обещал, но знать технику безопасности обязан каждый, — серьезно сказал Дима. — Если чувствуете, что теряете равновесие, никогда не падайте назад на прямые руки — сломаете запястья. Группируетесь и заваливаетесь мягко на бок, назад и в сторону, руки прижимаете к груди. Показываю!

Он легко завалился в снег на бок, словно в мягкую перину, и тут же одним движением вскочил обратно.

— Понятно?

— В теории — гениально, — вздохнула я, глядя на свои лыжи. — На практике, боюсь, я упаду, как мешок с картошкой.

— Не дрейфь, я рядом, — подбодрил Дима и повернулся к нам. — Все, пристегиваемся. Носок ботинка вставляем в переднее крепление, пятку ставим ровно над задним и резко давим вниз до щелчка. Поехали!

Я глубоко вдохнула, поставила ногу и с силой надавила. Раздался громкий, сухой щелчок. Потом второй.

И в ту же секунду, стоило мне чуть перенести вес, лыжи под ногами предательски поехали вперед.

— Ой-ой-ой! — взвизгнула я, судорожно взмахнув палками в воздухе.

Дима не успел даже шаг сделать — я уже теряла равновесие. Но вместо того чтобы грохнуться на снег, я вдруг врезалась спиной во что-то твердое, теплое и явно живое. Чьи-то сильные руки мгновенно перехватили меня за талию, легко удерживая на ногах и не давая лыжам разъехаться в стороны.

— Осторожнее, Снегурочка, — раздался прямо над моим ухом знакомый низкий голос с ленивой хрипотцой. — Ты так все курорты страны разнесешь за первые сутки. Сначала мои кроссовки, теперь учебный склон?

Я замерла, чувствуя, как сердце пропускает удар. Медленно повернула голову.

За моей спиной стоял вчерашний парень. В черной горно-

лыжной куртке, с опущенной на лоб маской, с пристегнутым к ноге сноубордом и с убийственной, насмешливой усмешкой на губах.

Он даже не стал дожидаться, пока я выдавлю из себя хоть слово.

Как только убедился, что мои лыжи наконец встали ровно и я больше не пытаюсь изобразить падающую Пизанскую башню, он медленно разжал пальцы на моей талии — так неторопливо, что сквозь ткань комбинезона я все равно почувствовала горячее прикосновение его ладоней.

— Держи равновесие, Снегурочка, — усмехнулся он, подмигнув мне одним глазом.

Одним резким, отточенным движением он встегнул вторую ногу в крепление сноуборда, сдвинул зеркальную маску с лба прямо на глаза, полностью скрыв лицо, и легко оттолкнулся. Снежная пыль веером взметнулась из-под канта его доски — и через пару секунд черная фигура уже стремительно неслась вниз по склону, красиво закладывая виражи, будто гравитация на него вообще не действовала.

Я стояла, хлопая глазами, и чувствовала, как под шлемом снова предательски горят уши. Сердце стучало так громко, что, казалось, заглушало даже гул подъемника.

— Эй, Ань, ты там жива? — раздался голос Димы. Он подъехал ближе, озадаченно глядя вслед уехавшему сноубордисту. — Ух ты, неплохо он тебя поймал. Реакция зверская. Вы знакомы?

— Да так... вчера в баре столкнулись, — пробормотала я, стараясь сделать максимально равнодушное лицо, хотя внутри все еще дрожало от его внезапного появления и наглого подмигивания. — Неважно. Что там дальше по плану? Плуг?

— Плуг! — обрадовался Дима и повернулся к Вике, которая к этому моменту тоже кое-как пристегнула свои лыжи и теперь стояла, вцепившись в палки. — Смотрите на меня: носки лыж сводим вместе, пятки разводим в стороны, чтобы получился треугольник. Колени чуть сгибаем, корпус наклоняем вперед, руки перед собой. Чем шире пятки — тем медленнее едем. Понятно?

— Элементарно! — бодро заявила Вика. — Ща покажу мастер-класс!

Она с важным видом свела носки лыж, оттолкнулась палками... и сделала ровно одно движение.

Лыжи тут же скрестились спереди, Вика взмахнула руками, как фламинго на взлете, выдала протяжное «Ой, бли-и-н!» — и с тихим плюхом завалилась прямо в сугроб на бок.

Тишина на склоне продержалась ровно секунду. А потом я не выдержала и засмеялась.

— Вик, ты... ты же сказала — мастер-класс! — задыхаясь от смеха, выговорила я, пытаясь сделать к ней шаг.

— Аня, не ржи, я застряла! — простонала Вика из сугроба, пытаясь поднять ногу, но длинная лыжа предательски перевешивала ее обратно в снег. — У меня нога в узел завязалась! Помоги!

Я кое-как подковыляла к ней, протянула руку, схватила ее за перчатку и потянула на себя.

— Раз, два... тяну!

Вика дернулась вверх, я потянула сильнее — и в ту же секунду мои собственные лыжи поехали вбок. С визгом я рухнула прямо рядом с ней, подняв облако снежной крошки.

— Отличная спасательная операция! — фыркнула Вика, лежа на спине и глядя в голубое небо. — Теперь нас тут двое! Будем ждать весну, когда снег растает!

Я попыталась опереться на палку, чтобы встать, но палка провалилась в рыхлый снег по самую рукоятку. Я снова завалилась на бок, ударившись о Викин шлем, и тут нас обеих накрыл такой приступ истерического хохота, что мы просто лежали в сугробе и выли от смеха, не в силах даже пошевелить пальцем.

— Девчонки, я, конечно, рад, что вам весело, — сквозь смех произнес Дима, подъезжая к нашему лежбищу. — Но если вы так и дальше пойдете, мы до подъемника только к Рождеству доберемся. Снимайте лыжи, вставайте, пристегивайтесь заново. Без вариантов.

После этого начался настоящий ад в миниатюре.

То, что у Димы выглядело как легкая прогулка по пушистому облаку, на деле оказалось жестокой борьбой за выживание. Стоило мне чуть выпрямить спину — лыжи мгновенно разгонялись так, словно я летела с трамплина. Стоило испугаться и отклониться назад — я тут же шлепалась на пя-

тую точку.

Через полчаса и, наверное, миллион попыток мы наконец доползли до самого низа учебного склона.

Вид у нас был такой, будто нас пропустили через стиральную машину с функцией отжима в сугробе. Мои рукава с мехом превратились в обледеневшие сосульки, снег забился даже за шиворот, а наши с Викой задницы были отбиты так, что сидеть сегодня вечером мы явно сможем только на ортопедических подушках. Глядеть, как красиво и мягко падал Дима на показе, было в сто раз приятнее, чем проверять законы физики собственным копчиком.

Я остановилась у сетчатого ограждения, тяжело дыша, и с ненавистью уставилась на свои лыжи. В голове пульсировала только одна светлая, кристально чистая мысль: сейчас я отстегну эти две пластиковые доски, со всей дури отхлестаю ими по сугробу, чтобы выпустить пар, а потом зашвырну куда-нибудь в ближайший овраг, чтобы глаза мои их больше не видели.

— Ну что, как ощущения? — Дима подкатил к нам с таким довольным видом, будто мы только что выиграли Олимпиаду.

— Дим, честно? — прохрипела я, вытирая мокрый лоб варежкой. — Я сейчас эти лыжи сниму, побью ими снег и выброшу в кусты. У меня ноги дрожат так, будто я вагоны разгружала.

Дима расхохотался, похлопав меня по плечу.

— Эй, ты чего? Да вы вообще молодцы! Серьезно говорю, без лести. У меня вчера двое здоровых мужиков на первом занятии так улетали, что мы им потом шлемы из сугробов выкапывали. А вы уже на середине склона плуг держать начали и ни разу в сетку не влетели! Для первого раза получается даже лучше, чем у парней.

Я недоверчиво покосилась на него, потом на Вику. Та, несмотря на красный от мороза нос и снег в волосах, тут же расцвела от похвалы.

— Слышишь, Ань? Лучше, чем у парней! — гордо заявила она, поправляя шлем. — А я говорила, что у меня природный талант!

Я вздохнула, посмотрела на бугельный подъемник, который медленно тянул людей обратно наверх, и почувствовала, как злость потихоньку отступает, сменяясь азартом. Ну правда, не сдаваться же после первого спуска?

— Ладно, уговорил, — буркнула я, разворачиваясь к подъемнику. — Но если я еще раз упаду на ту же сторону, нести меня в отель будешь на руках.

— Договорились, Снежинка! Погнали на второй заход!

Второй заход пошел на удивление бодро.

То ли ноги наконец смирились с пыткой пластиковыми колодками, то ли страх преодолел упрямство, но с верхней точки учебного склона я поехала уже вполне уверенно. Колени согнуты, корпус вперед, носки лыж сведены аккуратным домиком — я даже поймала кайф, когда ветер приятно

свистит в ушах, а под лыжами мягко шуршит снег.

— Вот это другое дело, Снежинка! — крикнул мне вслед Дима, с улыбкой наблюдая за моим спуском. А потом повернулся к Вике, которая уже вовсю крутила головой по сторонам, явно чувствуя себя королевой трассы: — Так, Маршмеллоу, а ты чего встала? Погнали покажу, как поворачивать корпусом, пока народу мало!

— Иду, иду! — защебетала Вика, бросив мне через плечо: — Тихоня, не гони сильно, встретимся внизу у флажков!

Они свернули чуть правее, к более пологому краю трассы, где Дима тут же принялся объяснять ей что-то с активной жестикуляцией. Я осталась одна на центральной полосе и даже гордо выдохнула: получается же! Я еду сама! И ни разу еще не грохнулась!

Стоило мне об этом подумать, как вселенная решила напомнить, кто тут главный.

На небольшом бугорке правая лыжа неприятно подпрыгнула. Я инстинктивно дернула рукой, пытаясь поймать баланс, ремешок палки соскользнул с варежки, и алюминиевая палка с тихим звоном улетела в снег позади меня.

— Ой, блин... — выдохнула я, оборачиваясь на ходу.

И в ту же секунду заметила сбоку знакомый силуэт. Сноубордист съехал с соседней трассы на выкат учебного склона и явно намеренно притормозил поперек моей полосы, лениво закладывая дугу.

Вот только он никак не ожидал, что я в этот момент пере-

стану тормозить вообще. Мозг выдал короткий сигнал паники, ноги моментально забыли про всякий «плуг», лыжи выровнялись параллельно — и я на всех парах понеслась прямо на него.

— С дороги! — пискнула я, размахивая оставшейся палкой.

В его глазах за зеркальной маской явно мелькнуло запоздалое осознание, что тормозить я не умею — и в следующую секунду я со всего маху врезалась ему прямо в грудь.

Удар вышел знатным. Каким-то совершенно непостижимым образом мое правое крепление щелкнуло, лыжа отстегнулась и эффектно улетела в сторону, а мы оба потеряли равновесие. Мир перевернулся вверх ногами, перед глазами закружилась белая каша, и с уханьем мы рухнули в глубокий рыхлый сугроб у края трассы.

Я приземлилась на спину, а он — ровно сверху, накрыв меня собой и подняв целую тучу ледяной снежной волны, которая тут же обсыпала нас с головы до ног.

Секунду мы лежали абсолютно неподвижно. Я боялась даже вдохнуть: в нос забился снег, под шлемом стучало сердце, а сверху на мне лежал тяжелый человек, от которого даже сквозь горнолыжную куртку пахло знакомым терпким парфюмом и морозом.

Он медленно приподнялся на локтях, сдвинул зеркальную маску на лоб и посмотрел прямо на меня.

Наши лица оказались в паре сантиметров друг от друга. Я

видела каждую ресницу и его темные глаза, в которых сначала мелькнуло искреннее офигевание, а через секунду загорелись наглые смешинки.

— Твою ж мать... — выдохнул он хрипло, глядя на меня сверху вниз. — Снегурочка, ты меня преследуешь, что ли? Вчера кроссовки, сегодня попытка убийства на склоне. Что завтра, лавину на меня спустишь?

Я открыла рот, пытаясь набрать воздуха, и в этот момент с края его шлема мне прямо на нос шлепнулся комок холодного снега. Я смешно фыркнула, пытаясь отряхнуться, но из-за его веса не могла даже пошевелиться.

— Я... я не специально! — выпалила я, чувствуя, как щеки мгновенно вспыхивают огнем. — У меня палка упала, я оглянулась, а ты сам встал поперек дороги! И вообще... слезь с меня, ты тяжелый!

Он не спешил вставать. Наоборот, уперся ладонями в снег по обе стороны от моей головы, нависая надо мной, и лениво усмехнулся:

— А мне и тут неплохо. Мягко. Да и, судя по всему, сама судьба уже в третий раз сталкивает нас лбами, требуя наконец познакомиться по-человечески. — Он чуть склонил голову набок, буравя меня взглядом. — Меня Руслан зовут. А вот тебе, Аня, правда лучше быть поосторожнее. Я за свою жизнь много чего видел, но таких ходячих катастроф — еще ни разу.

— Я не катастрофа! — возмутилась я, упираясь варежка-

ми ему в грудь, чтобы хоть немного отодвинуть. Под ладонями чувствовались твердые мышцы и ровное, спокойное биение его сердца. — Просто трасса дурацкая! И сноубордисты лезут под ноги!

— Ну-ну, конечно, виновата гора, — хмыкнул Руслан.

Он наконец легко оттолкнулся от снега, одним слитным, сильным движением встал на кант доски и протянул мне руку в черной перчатке.

— Давай, катастрофа, поднимайся, пока тебя окончательно не замело.

Я вложила свою варежку в его ладонь. Он рывком потянул меня вверх — да так сильно, что я по инерции качнулась вперед и снова уткнулась лбом прямо в его плечо. Руслан тихо рассмеялся, придержав меня за локоть, пока я не поймала равновесие на единственной оставшейся лыже.

— Ань! Ты там жива?! — со стороны трассы послышался встревоженный голос Димы. Они с Викой уже спешили к нашему сугробу, причем Вика на ходу пыталась сдержать смех, глядя на мою улетевшую в сугроб лыжу и заснеженную физиономию.

— Жива, — буркнула я, стараясь не смотреть на ухмыляющегося Руслана и отряхивая снег с меховых манжет. — Просто решила проверить глубину сугробов.

Руслан бросил короткий оценивающий взгляд на подъехавшего Диму, потом снова перевел глаза на меня и едва заметно подмигнул:

— Всего хорошего, Снегурочка. И береги лыжи.

После чего развернулся и плавно заскользил вниз по склону, оставив меня стоять с одной лыжей и горящими щеками.

Глава 3

Вылезти из горнолыжных ботинок оказалось вторым по силе удовольствием в моей жизни — сразу после горячего душа, под которым я простояла, кажется, целую вечность, пытаясь оттаять.

Через час мы уже сидели в просторном кафе-столовой на первом этаже нашего отеля — демократичном месте с линией раздачи, куда заглядывали перекусить не только постояльцы, но и все, кто спускался со склона. Панорамные окна выходили прямо на трассу, по которой до сих пор ползли вверх кабинки подъемников, внутри пахло свежесваренным кофе, выпечкой и корицей. Я наконец-то влезла в свой любимый мягкий кардиган, распустила влажные после душа волосы и с наслаждением обхватила ладонями горячую кружку с облепиховым чаем. Тело приятно гудело от непривычной нагрузки, а щеки горели после мороза.

Вика сидела напротив — в розовом плюшевом свитшоте, с аккуратным пучком на макушке, и задумчиво ковыряла ложкой воздушные зефирки в своей кружке с какао. А рядом с ней устроился Дима. Без яркой экипировки, в обычной серой толстовке, он выглядел даже симпатичнее — открытый, спокойный, с живыми глазами и легкой улыбкой.

Вика вчера успела с ним наболтаться, а вот я присматривалась к нему только сейчас. И, к моему огромному облег-

чению, Дима оказался вполне нормальным и даже классным парнем. Поначалу, глядя на его голливудскую улыбку и уверенность инструктора, я была уверена, что он из тех ветреных курортных ловеласов, которые не пропускают ни одной короткой юбки в радиусе километра. Но за весь обед он ни разу не оглянулся на проходящих мимо девчонок. Смотрел только на наш столик — а точнее, почти не сводил глаз с Вики, причем с такой теплой, чуть смущенной заинтересованностью, что мне даже стало за подругу радостно.

— Слушай, Дим, я вот одного понять не могу, — сказала я, отпивая обжигающий чай. — Это у вас тут профессиональная деформация или местный сленг? Как вы умудряетесь за пять минут знакомства всем прозвища раздать? Почему я вообще Снежинка?

Дима рассмеялся, откинувшись на спинку деревянного стула.

— Да ладно тебе, разве не подходит? Ты как на склон вышла в своем голубом комбезе с мехом — чистая снежинка, которую ветром сдувает. Я, честно говоря, до последнего думал, что ты сбежишь еще на этапе застегивания ботинок.

— Я была близка к этому, — честно призналась я.

— А я тогда почему Маршмеллоу?! — тут же вклинилась Вика, прищурившись и надув губы, хотя в глазах у нее плясали чертики.

Я посмотрела на нее и едва не подавилась чаем. Она сидела в своем нежно-розовом свитшоте, с розовым маникюром

и методично топила в какао белые и розовые маршмеллоу. Винить ее за этот стиль было невозможно: Вика была живым воплощением «Блондинки в законе» — яркая, умная, с красным дипломом экономфака, но при этом абсолютно, безнадежно розовая до кончиков ногтей.

Дима перевел взгляд с Вики на ее кружку, потом снова на нее, почесал затылок и заметно смутился — даже кончики ушей порозовели.

— Ну... ты просто... мягкая и сладкая, как зефирка, — пробормотал он, явно не ожидая, что его припрут к стенке с объяснениями. — И розовая. В хорошем смысле! Очень в хорошем.

Вика расплылась в довольной улыбке, явно польщенная таким комплиментом, а я тихо хмыкнулав кружку, стараясь не мешать их воркованию.

И в этот самый момент дверь столовой с глухим стуком распахнулась, впуская порцию морозного воздуха и громкие мужские голоса.

Я невольно повернула голову. Случайность это была или уже какая-то дурацкая курортная закономерность, но в зал ввалился Руслан в компании троих парней.

Они шли к стойке раздачи, бурно о чем-то споря и перебивая друг друга. Вся компания выглядела так, словно сошла с афиши андеграундного рок-фестиваля: широкие худи, черные шапки-бини, потертые джинсы, куча металла. У одного парня блестела сережка в брови, у другого — тонкое

кольцо в крыле носа.

А я впервые за все наши нелепые столкновения разглядела Руслана спокойно, без паники и снега в глазах. Он шел чуть позади, засунув руки в карманы черного свитшота, и лениво ухмылялся шуткам друзей. Когда он повернул голову в профиль, я заметила, что у него проколоты оба уха — в мочках поблескивали небольшие серебряные колечки.

Для меня, выросшей в среде, где парни максимум носили наручные часы, мужские серьги всегда казались чем-то странным и чересчур вызывающим. Но, глядя на Руслана, я поймала себя на предательской мысли: в этом не было ничего лишнего. Наоборот, эти серебряные кольца так органично ложились в его дерзкий, чуть хулиганский образ, что отвести взгляд оказалось сложнее, чем хотелось бы.

Руслан как раз мазнул взглядом по залу — и в ту же секунду я резко мотнула головой, отворачиваясь к своему столу. Ну уж нет, второй раз спалиться на том, что я его разглядываю, я себе не позволю.

Я уткнулась взглядом в свою тарелку, взяла вилку и с самым заинтересованным видом повернулась к подруге:

— Так на чем мы остановились, Вик? Ты говорила про какое-то шале?

Вика заговорщицки заблестела глазами и наклонилась через стол поближе ко мне.

— Вот! Самое главное! Слушай внимательно и сразу не включай режим зануды, — начала Вика, понизив голос, хо-

тя рядом все равно никого не было. — Наш отель, конечно, милый, но, если честно, тут скукота смертная. Одни пенсионеры и семьи с колясками. А вчера мы с Димой разболтались, и выяснилось, что у них в шале как раз освободились две комнаты!

Я настороженно прищурилась, переводя взгляд с сияющей подруги на Диму.

— В смысле — в шале? Вик, у нас номер оплачен на десять дней.

— Да я уже на ресепшене узнала! — отмахнулась она. — Оставшиеся дни бронирования можно отменить без штрафа, деньги на карту вернут. Да, сегодняшние сутки уже оплачены и не сгорят, но зачем нам ждать до утра и терять целый вечер в этой тоске? А по цене шале выходит даже дешевле! И там, Ань, настоящая горная романтика: огромный деревянный дом, камин в гостиной, терраса с видом на лес...

— Ага, и толпа незнакомых мужиков в придачу? — уточнила я, скептически выгнув бровь.

Дима усмехнулся и примирительно поднял руки:

— Не толпа, Снежинка, не пугайся. Там система простая: каждый сам за себя, но все вроде как вместе. Я там живу с двумя парнями — мы каждый сезон сюда на зиму приезжаем подработать. Один на канатке вверху дежурит, другой в ночном баре за стойкой стоит, а я на склоне. Режим у всех свой: кто-то утром уходит, кто-то только к обеду просыпается.

— А остальные комнаты? — допытывалась я, чувствуя

подвох.

— Еще пара человек из тусовки, но там тихо, без треша, — заверил Дима. — Конечно, это не пятизвездочный отель: по утрам бывает очередь в ванную, на кухне вечно чьи-то кружки стоят, и в гостиной по вечерам кто-нибудь может гитару достать или в приставку рубиться. Но зато атмосфера живая. Не сидишь в четырех стенах, как в коробке.

Я замолчала, задумчиво крутя в пальцах ложку.

Перспектива делить дом с посторонними людьми и стоять в очереди в душ, честно говоря, вызывала у меня легкий нервный тик. Я терпеть не могла постоянный шум и суету. Но потом я посмотрела на Вику — у нее буквально горели глаза, она смотрела на меня с такой надеждой, будто от этого переезда зависела вся ее жизнь. Эти каникулы она и так изо всех сил пыталась вытащить меня из моей уютной раковины и сломать все мои привычки тихони.

И, положа руку на сердце, отказывать ей в самом начале отпуска было бы просто свинством. Тем более у меня будет своя отдельная комната. А значит, закрыть дверь, заварить чай и уткнуться в книгу я смогу в любой момент — изменять себе ради чужой тусовки я точно не собиралась.

— Ладно, — выдохнула я, сдаваясь. — Уговорили. Попробуем. Если что, я просто забаррикадируюсь в комнате и буду передавать записки под дверью.

— Ура! — Вика взвизгнула так, что соседний столик обернулся, и тут же хлопнула в ладоши. — Ты лучшая, Тихоня!

— Отлично, — улыбнулся Дима, поднимаясь из-за стола. — Тогда собирайте чемоданы. Я к семи вечера подъеду к вашему отелю — попрошу машину у друга, чтобы вы с баулами по снегу не тащились. Заодно и вещи закинем.

Мы договорились о времени, собрали грязную посуду на подносы и направились к выходу из столовой.

Мое сердце неприятно екнуло, когда я поняла, что путь к стойке для подносов проходит ровно мимо столика, за которым устроилась компания Руслана.

Я сделала максимально невозмутимое лицо и нарочно повернулась к Диме, который как раз увлеченно рассказывал, что на курорте, кроме трасс, есть еще классные пешие маршруты к водопадам и открытый бассейн с подогревом прямо под снегом.

— Серьезно? Прямо на улице? И не холодно? — переспросила я, старательно делая вид, что меня невероятно интересует температура воды в бассейне, а не парень в черном свитшоте в трех метрах от меня.

Я поставила поднос на ленту, кивнула Диме и уже почти дошла до стеклянных дверей выхода, но в последний момент не удержалась и все-таки мазнула быстрым взглядом в сторону их стола.

Вся четверка парней почему-то притихла и нахмурилась, глядя прямо на Диму — судя по всему, они его отлично знали и явно не ожидали увидеть в компании двух девчонок. Но Руслан смотрел не на Диму. Он перевел свой темный, цеп-

кий взгляд прямо на меня.

Встретившись со мной глазами, он медленно приподнял бровь и сделал глоток из своей кружки, не отрывая пристального взгляда поверх края.

Я тут же отвернулась и выскочила за дверь на мороз, чувствуя, как по спине пробежали предательские мурашки.

Глава 4

Когда старенький внедорожник, который Дима одолжил у друга, свернул с главной дороги на заснеженную лесную тропу и остановился у ворот, мы с Викой синхронно прилипли к окнам и раскрыли варежки от удивления.

Передо мной стоял не просто «домик в горах», а настоящая деревянная крепость из толстых темных брусьев. Два полноценных этажа, огромные панорамные окна в пол, резные балконы под толстыми шапками снега, а из трубы на крыше вился дымок. Свет горел, кажется, вообще в каждой комнате, и даже сквозь закрытые двери машины до нас доносились приглушенные басы музыки и чей-то громкий хохот.

Не успел Дима заглушить мотор, как входная дверь шале с грохотом распахнулась. На крыльцо, в одних спортивных штанах, носках и с голой грудью, вылетел какой-то парень, прижимая к себе два пластиковых стаканчика. За ним следом выскочила растрепанная девчонка в огромном вязаном свитере и домашних тапках.

— Максим, твою мать, вернись немедленно! — заорала она на весь заснеженный двор, размахивая кухонным полотенцем. — Я эти йогурты себе покупала! С черникой! У тебя свои есть в холодильнике!

— В большой семье клювом не щелкают, Поль! — хохотнул парень, перепрыгивая через ступеньку прямо в сугроб,

но тут же взвыл от холода в мокрых носках и рванул обратно в дом.

Вика рядом со мной мгновенно засияла и хлопнула в ладоши:

— Ой, Ань, мне тут уже нравится! Вот это я понимаю — движуха!

А вот у меня внутри все неприятно сжалось. Я сглотнула, глядя на мигающий в окнах свет, и почувствовала острое желание попросить Диму развернуть машину обратно в наш скучный, тихий, благословенный отель. Если тут такой балаган слышно даже на улице через закрытые стекла, то что же творится внутри? О каком чтении с книжечкой вообще может идти речь?

— Не дрейфь, Снежинка, это у них стандартная вечерняя разминка, — усмехнулся Дима, открывая багажник и вытаскивая наши чемоданы. — Погнали внутрь, пока не замерзли.

Мы поднялись по деревянным ступенькам и шагнули в огромную прихожую, переходящую в просторную гостиную. Внутри пахло деревом, мандаринами, жареной картошкой и еще чем-то неуловимо уютным. Посреди зала стоял гигантский угловой диван, перед ним — плазма во всю стену, а в углу потрескивал настоящий камин.

— Народ, внимание! У нас пополнение! — громогласно объявил Дима, закатывая наши баулы в центр комнаты.

На диване развалился парень в огромных накладных наушниках. Он даже не оторвался от джойстика в руках, только

лениво мазнул по нам взглядом, зевнул во весь рот и буркнул:

— Здарова. Я Тёма. Еду на нижней полке не трогать, остальное можно.

Из-за барной стойки, разделяющей кухню и гостиную, выглянули две девчонки. Одна — кудрявая брюнетка с чашкой в руках — критически оглядела меня с ног до головы, но через секунду приветливо улыбнулась:

— Привет! Я Лера. О, наконец-то девчонок прибавилось, а то эти кабаны уже совсем от рук отбились, даже носки по углам разбрасывать начали.

— Точно! — поддержала ее вторая, охотница за йогуртами, которая как раз вернулась с кухни с трофеем в руках. Она вытерла лоб тыльной стороной ладони и протянула нам руку. — Я Полина. Добро пожаловать в наш филиал психбольницы. Не пугайтесь, мы на самом деле добрые, просто дикие.

— Я Вика, а это Аня, — бодро представилась подруга, уже вовсю стреляя глазами по сторонам. — Слушайте, у вас тут так круто! Прямо как в американских фильмах про студентов!

— Ага, только вместо вечеринок у бассейна у нас сугробы по пояс, — хмыкнула Полина и махнула рукой в сторону деревянной лестницы. — Пошли, покажу ваши комнаты, пока парни не вернулись со склона и не заняли ванную.

Дима молча подхватил оба наших тяжелых чемодана и по-

нес следом за нами на второй этаж. Здесь оказалось на удивление тише — плотные деревянные двери неплохо глушили музыку снизу. Полина открыла две соседние двери в конце коридора.

Комната мне досталась небольшая, но невероятно уютная: скошенный мансардный потолок, широкая кровать с теплым клетчатым пледом, деревянный комод и маленькое окошко, за которым темнели заснеженные ели. У меня даже слегка отлегло от сердца — здесь вполне можно было закрыться и выдохнуть.

— Так, сразу ввожу в курс дела, — Полина прислонилась к дверному косяку, пока мы с Викой затаскивали чемоданы с коридора в свои комнаты. — Правил у нас немного, но они железные. Первое: график уборки висит на холодильнике, но, по сути, тут система «каждый сам за себя» — поел, помыл за собой тарелку. Ну или убираешься, когда совесть замучает. Второе: готовит каждый себе сам, продукты тоже покупаем отдельно.

Она сделала многозначительную паузу и закатила глаза:

— Но сразу предупреждаю — всё вкусное лучше прятать или подписывать. Парни здесь как саранча: сметают из холодильника всё, что не приколочено, вообще без разбора. На то они и парни. И третье: ванная на этаже одна, так что утром кто первый встал — того и тапки. В цоколе у нас сушилка для снаряги и небольшой тренажерный зал. Вопросы есть?

— Никаких! — тут же отозвалась Вика, уже плюхнувшись

на свою кровать. — Всё предельно ясно!

— Ну и отлично. Раскладывайтесь, а потом спускайтесь вниз — мы через полчаса пиццу заказывать будем, отметим заселение.

Полина ушла, прикрыв за собой дверь. Я выдохнула, опустилась на край кровати и обвела взглядом свою новую обитель. Вроде бы все не так страшно. Ребята веселые, девчонки адекватные, комната отдельная есть.

Через полчаса гостиная на первом этаже напоминала штаб-квартиру веселого студенческого общежития.

На низком деревянном столе высилась стопка коробок с горячей пиццей, рядом стояли бутылки с пивом, газировка и разномастные бокалы с коктейлями, которые намешал Максим — похититель черничных йогуртов. Я скромно устроилась в самом углу огромного дивана, поджав ноги под себя, и держала в обеих руках большую керамическую кружку с черным чаем. На фоне всеобщего звона бутылок мой чай выглядел слегка по-пенсионерски, но мне было абсолютно плевать — зато тепло и вкусно.

Ребята травили байки про курорт, смеялись в голос и наперебой расспрашивали нас о том, откуда мы приехали и как прошел первый день на склоне. Точнее, отвечала в основном Вика. Она тараторила без остановки, активно жестикулируя куском пепперони и сыпля шутками так, будто знала всю эту компанию минимум лет пять. Я же ограничивалась вежливыми кивками, тихими смешками и парой дежурных фраз.

Сидевший сбоку от меня Тёма — парень, который при нашем приезде не отрывался от приставки — вдруг покосился на мою кружку, потом на меня и прищурился:

— Слушай, Ань, а у тебя на сегодня лимит на слова закончился, что ли? Или ты просто экономишь трафик, чтобы до конца отпуска хватило?

По гостиной прокатился смешок. Я слегка смутилась, открыла рот, чтобы что-то ответить, но Вика меня мгновенно опередила, махнув рукой с такой важностью, словно представляла редкий музейный экспонат:

— Эй, руки прочь от моей подруги! Не докапывайтесь до человека, она у нас всегда такая. Мне вообще-то полгода жизни и тонна нервных клеток понадобились, чтобы вытащить ее из-под пледа и привезти в горы! Так что дышим тихо и не пугаем!

— А-а-а, так она у нас из дикой природы, неприрученная! — подхватил Максим, широко ухмыляясь. — Тогда понятно, почему она в углу заныкалась и чай пьет, пока нормальные люди каникулы отмечают. Надо ей позывной придумать, а то «Аня» как-то слишком официально.

— Дима ее Снежинкой зовет, — тут же влезла Вика, хитро стрельнув глазами в сторону инструктора, отчего тот снова слегка покраснел.

— Не, Снежинка — это банально, — задумчиво протянул Тёма, оглядывая меня с ног до головы: уютный вязаный кардиган, поджатые колени, большая кружка с чаем у самого

подбородка. — Смотрите, она сидит такая вся уютная, тихая, в этом своем вязаном свитере, будто ее только что из духовки вынули и на блюдце положили. Чистый Кексик!

— Кексик?! — фыркнул Максим и тут же расхохотался, хлопнув себя по колену. — Блин, а в точку же! Мягкая, домашняя, с чаем в обнимку, да еще и в пару к Маршмеллоу идеально встает! У нас теперь в доме целая кондитерская!

— Ой, не могу, Кексик! — засмеялась Лера, поднимая свой бокал. — А мне нравится! Сразу понятно, что человек за домашний уют и без лишнего кипиша. За Кексика!

Ребята дружно загудели, чокаясь бутылками, а я только покачала головой и уткнулась носом в кружку, пряча улыбку. Ну вот, теперь в моей коллекции уже три прозвища.

Веселье снова набрало обороты, но ровно через минуту входная дверь шале с глухим стуком распахнулась, впуская с улицы клуб морозного пара.

Гомон в гостиной как-то сам собой пошел на спад.

В прихожую вошли четверо парней. Я сразу узнала компанию из столовой — и сердце у меня неприятно екнуло, скатившись куда-то в район пяток. Они выглядели настолько чужеродно на фоне яркой, расслабленной компании в гостиной, будто пришли из совершенно другого фильма. Все в черном: темные куртки, тяжелые ботинки, шапки-бини, татуировки и блестящий металл пирсинга.

Руслан шел последним. Он снял черную шапку, небрежно взъерошил темные волосы и лениво мазнул взглядом по

гостиной.

Я тут же вжалась в спинку дивана, надеясь слиться с обивкой. Но куда там. Его темные глаза безошибочно выхватили меня в самом углу, с кружкой в руках. На долю секунды в его взгляде мелькнуло узнавание — он прищурился, едва заметно ухмыльнулся, но ничего не сказал. Просто развернулся и вслед за остальными поднялся по деревянной лестнице на второй этаж. Наверху тут же хлопнули двери.

Как только шаги затихли, Полина понизила голос и наклонилась к нам через стол:

— Так, девчонки, запоминайте сразу: вот с этими товарищами лучше лишний раз не пересекаться.

— Это еще почему? — с любопытством навострила уши Вика. — Вроде симпатичные ребята... Особенно тот последний.

Я чуть не поперхнулась чаем.

— Симпатичные, ага, пока рот не откроют, — хмыкнул Максим, кивнув головой в сторону лестницы. — Они совсем отбитые. Живут тут на втором этаже, но сами по себе. Правил у них нет, на общий график им плевать, ни с кем толком не общаются и в наших тусовках почти не участвуют. У них свой закрытый круг: музыка, сноуборды, ночные клубы.

— Да-да, — поддержала Лера. — Особенно Руслан, который за пультом в панорамном баре на склоне стоит — вот как раз с вечернего сета вернулись. Парень вроде не злой, но на язык острый как бритва — может так послать, что дорогу

забудешь. И характер тяжелый, вечно на своей волне. Так что держитесь от их крыла подальше, спокойнее спать будете.

Я медленно опустила кружку на колени и уставилась на деревянную лестницу.

Глава 5

Утром я проснулась ровно в семь тридцать, словно по внутреннему будильнику. За окном только начинало светать, окрашивая заснеженные верхушки елей в нежно-розовый цвет. В доме стояла непривычная тишина, нарушаемая лишь легким поскрипыванием деревянных половиц где-то внизу.

Намотав на ус вчерашний инструктаж Полины, я не стала тянуть резину: как шпион в тылу врага, приоткрыла дверь своей комнаты, прислушалась к коридору и, убедившись, что на этаже ни души, пулей метнулась в ванную. Идеально. Никаких очередей, горячая вода и полное одиночество.

Не спеша собравшись и повалявшись еще полчаса в комнате с телефоном, к девяти утра я спустилась вниз. Вика с Димой как раз вернулись из ближайшего супермаркета с полными пакетами еды, и кухня на первом этаже уже гудела, как улей. Я тут же заняла дальнюю конфорку, поставила вариться свою привычную овсянку на молоке и заварила любимый черный чай с бергамотом.

Рядом за барной стойкой Полина и Лера лениво ковыряли ложками йогурты и потягивали зеленый смузи, перебрасываясь сонными шутками. А вот парни устроили настоящий театр одного актера: Тёма и Максим с трагическими лицами ходили за девчонками хвостом и ныли, выпрашивая пожарить им яичницу с беконом, на что Полина только фырка-

ла и тыкала пальцем в сковородку, мол, ручки не отвалятся. Другой парень, которого я вчера мельком видела в коридоре, вообще не стал заморачиваться: он заталкивал в рот холодные сосиски прямо из пачки, запивая их растворимым кофе на бегу.

— Всё, народ, я погнал, до вечера не ждите! — крикнул он уже из прихожей, натягивая куртку, и тут же сунул голову обратно на кухню: — И без меня конфеты из вазы не жрите, я посчитал!

Стоило мне разложить горячую кашу по тарелке, посыпать ее корицей и сесть за большой деревянный стол, как кухня стремительно опустела. Хлопнула входная дверь — убежали Тёма с соседом, Макс умчался к себе наверх собираться на смену, следом засобирались Лера с Полиной, и даже Вика, наспех дожевав тост, упорхнула за Димой проверять снаряжение перед выходом на склон — я заранее предупредила подругу, что сегодня беру выходной от лыж и остаюсь отлеживаться.

Как Дима и предупреждал, к половине десятого полдома просто вымерло. Я вдруг с запозданием поняла, что отдыхаем на этом курорте, похоже, только мы с Викой. Остальные здесь не просто тусили, а работали всю зиму: кто на трассах, кто на подъемниках, кто в барах и прокатах. Кто-то из жильцов наверняка еще отсыпался после ночной смены, а дневная смена уже разбежалась по постам.

Так или иначе, внизу наконец наступила блаженная тиши-

на, о которой я мечтала со вчерашнего вечера.

Я с облегчением выдохнула, достала из кардигана свой электронный «Киндл», аккуратно поставила его на подставку для салфеток, подперла щеку ладонью и зачерпнула первую ложку овсянки. Сюжет книги мгновенно затянул меня с головой — шумные вечеринки, лыжи и дурацкие падения отступили куда-то далеко-далеко.

Я настолько погрузилась в свой уютный мир, что даже не сразу услышала шаги на деревянной лестнице.

Очнулась я только тогда, когда на кухню ввалились трое.

Те самые парни из «черного крыла». Выглядели они так, будто их подняли с кровати силой и забыли включить функцию вежливости: мятые черные треники, растрепанные волосы, сонные, хмурые лица. Они даже не посмотрели в мою сторону — будто я была частью интерьера, вроде вазы с сушками.

— Слышь, придурок, ты вчера весь молотый кофе выжрал? — хрипло буркнул парень с кольцом в брови, гремя банками в шкафчике.

— Сам ты идиот, на нижней полке стоит, глаза разуй, — лениво огрызнулся второй, тот, что с пирсингом в носу, зевая во весь рот и с грохотом ставя турку на плиту.

Третий парень вообще не стал тратить силы на поиски кофе. Он молча пересек кухню, отодвинул стул ровно напротив меня и плюхнулся на него, развалившись так, словно владел всем этим домом. При этом он даже не соизволил на-

деть футболку — сидел с голым торсом, весь в татуировках, с растрепанными темными волосами и острыми скулами.

Я мгновенно вжала голову в плечи и уставилась в свою тарелку с овсянкой, стараясь не смотреть ни на его голую грудь, ни на рельефный пресс в полуметре от моей кружки. Пульс мгновенно подскочил, а щеки предательски вспыхнули.

Парень пару секунд молча разглядывал меня с ленивым, наглым любопытством, потом подался вперед, небрежно протянул руку и просто забрал мой «Киндл» с подставки, повертев его в пальцах.

Отнимать книжку у здорового татуированного парня я, естественно, не рискнула. Просто медленно положила ложку обратно в тарелку и сжала пальцы на коленях под столом.

— И кто ты у нас будешь? — спросил он с легкой усмешкой, переводя взгляд с экрана книги на мое лицо.

— Аня, — тихо ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Мы с подругой вчера заселились. Нас Дима пригласил.

Стоило мне произнести имя Димы, как все трое на кухне синхронно скривились — будто я только что предложила им выпить лимонного сока без сахара. Тот, что стоял у плиты, фыркнул, а парень с кольцом в брови закатил глаза.

Но, к моему ужасу, вместо того чтобы отстать, они вдруг заинтересовались. Через минуту все трое уже сидели вокруг моего стола с дымящимися кружками черного кофе.

— Дима, значит... — протянул тот, что без футболки, воз-

вращая мне книгу на стол, но не отводя глаз. — И че, надолго?

— А ты вообще откуда приехала? — тут же вклинился второй, подпирая подбородок кулаком.

— Кататься умеешь или из тех, кто чисто фотки в инсту пилит? — усмехнулся третий.

Они засыпали меня вопросами со всех сторон, перебивая друг друга и разглядывая так, словно я была неведомой зверушкой, случайно забредшей в их берлогу. Я только растерянно хлопала глазами, переводя взгляд с одного на другого, и даже не могла дотянуться до своей овсянки, которая уже безнадежно остывала.

— Отвалите от нее, — раздался низкий, хриплый голос со стороны двери.

Я вздрогнула так, что чуть не опрокинула чай.

В дверном проеме кухни, прислонившись плечом к косяку, стоял Руслан. На нем были черные спортивные штаны и серая растянутая майка, открывающая татуированные плечи и руки. Волосы торчали в разные стороны после сна, под глазами залегли легкие тени, но взгляд был тяжелым, цепким и каким-то до чертиков раздраженным.

Парни за столом мгновенно притихли и переглянулись.

— Да ладно тебе, Рус, мы просто знакомимся с новой соседкой, — лениво протянул тот, что сидел без футболки.

— Я сказал — отвалите, — повторил Руслан уже жестче, даже не повышая голоса. — Жрите свой кофе и валите по

делам. Нам еще программу на вечер сводить.

Не сказав мне ни «привет», ни даже кивнув в мою сторону, он прошел мимо стола прямо к холодильнику, распахнул дверцу и уставился внутрь так, словно меня на этой кухне вообще не существовало.

Я осторожно подтянула к себе тарелку и наконец-то принялась за овсянку. Каша, конечно, уже успела остыть, но спорить с судьбой и требовать микроволновку я не рискнула. Доев всё до последней ложки и сделав глоток горячего чая, я аккуратно подвинула к себе «Киндл» и уткнулась в экран, стараясь притвориться предметом мебели.

— Я Стас, кстати, — вдруг подал голос полуголый парень, протягивая мне руку прямо через стол.

Я растерянно подняла глаза, но не успела даже шевельнуться — сбоку раздался звонкий шлепок. Руслан, подошедший от холодильника с бутылкой холодной воды, без раздумий треснул друга по протянутой ладони и без церемоний плюхнулся на свободный стул ровно рядом со мной.

Стас наигранно зашипел, отдернув руку, а двое других парней за столом тут же заржали в голос.

— Ого, Рус, ты чего такой дерганый с утра? Не с той ноги встал или шнуры на пульте запутались? — ухмыльнулся парень с кольцом в брови.

— Заткнись, Кир, — лениво огрызнулся Руслан, откручивая крышку бутылки и откидываясь на спинку стула. — У меня от твоего утреннего нытья башка трещит. Ты вчера

трек-лист на пятницу скинул?

— Скинул, скинул, не ной, — закатил глаза Кир, отхлебывая кофе. — Только там Саня опять просил вставить свой ремикс в середину сета.

— Ага, щас, разбежался, — фыркнул парень с пирсингом в носу. — После его ремикса народ с танцпола к выходу ломится быстрее, чем от пожарной сирены. Пусть сначала научится бас не перегружать, гений хренов.

— Да ладно тебе, Глеб, зато бармены в плюсе — все сразу бухать бегут с горя, — заржал Стас.

К моему огромному облегчению, парни действительно будто забыли о моем существовании. Они перебрасывались колкостями, травили друг друга, матерились вполголоса и обсуждали какие-то клубные дела, а я сидела с краю стола, уткнувшись в книгу, и чувствовала себя невидимкой. Правда, невидимкой, у которой почему-то все равно мелко дрожали пальцы от того, что Руслан сидел буквально в двадцати сантиметрах, закинув ногу на ногу, и его колено периодически задевало край моего кардигана.

Идиллию нарушил топот на лестнице.

Сверху кубарем скатился Максим — в одних брюках и расстегнутой олимпийке, ошалело оглядываясь по сторонам, словно искал пожарный выход. Увидев меня за столом, он моментально просиял:

— О, Кексик! Спасительница! Ты же сто процентов шить умеешь, да?

Я моргнула, подняв глаза от книги, и машинально кивнула. Не успела я даже рот открыть, как мне прямо на колени приземлилось черное фирменное поло с логотипом курорта и катушка ниток с воткнутой иголкой.

— У меня две пуговицы на вороте вырвались, а мне через десять минут на смену лететь, босс шкуру спустит! — затараторил Макс, поправляя волосы на ходу. — Выручай по-братски, я тебе вечером шоколадку принесу!

Не дожидаясь ответа, он по-дружески потрепал меня по макушке, окончательно растрепав волосы, и умчался обратно на второй этаж.

Я только тяжело выдохнула, глядя на злосчастное поло у себя на руках.

— Популярность быстро накрыла, Снегурочка, — тихо хмыкнул Руслан прямо у меня над ухом.

Я даже не повернула головы в его сторону. Молча отложила черную футболку на край стола, взяла свою пустую тарелку и кружку, прошла к раковине и тщательно вымыла за собой посуду. После этого вернулась к столу, так же молча нажала кнопку блокировки на «Киндле», засунула книгу под мышку, подхватила поло с нитками и направилась в гостиную — подальше от этой сумасшедшей кухни.

На то, чтобы пришить две злосчастные пуговицы, у меня ушло от силы минут семь. Я как раз аккуратно оборвала нитку и завязала последний узелок, когда сверху снова послышался топот, будто по лестнице спускалось стадо слонов.

В гостиную влетел Макс, схватил из моих рук поло и, вообще не стесняясь моего присутствия, одним махом стащил с себя олимпийку, сверкнув голым торсом и острыми лопатками.

— Ой! — я машинально отвернулась, уткнувшись взглядом в камин.

— Сорян, Кексик, время — деньги! — хохотнул Макс, натягивая поло прямо на ходу. Он небрежно скомкал снятую рубашку, швырнул ее на спинку кресла, крикнул: — Спасла жизнь, с меня шоколадка! — и, на ходу влезая в пуховик, вылетел за входную дверь.

Почти сразу после этого со стороны кухни послышались шаги, скрип входной двери и приглушенные голоса — парни в черном, судя по всему, тоже допили свой кофе и разбрелись кто на склон, кто по делам.

В доме наконец наступила абсолютная тишина.

Я осторожно выглянула в прихожую: куртки Руслана на вешалке не было, кроссовки тоже пропали. Ушли все. Совсем все.

С облегчением выдохнув, я вернулась на огромный диван, укуталась в плед и наконец-то открыла свою книгу. Минут тридцать я просто читала, наслаждаясь тишиной, треском дров в камине и тем, что никто не орет, не требует яичницу и не сверлит меня насмешливым взглядом.

Но стоило мне потянуться, чтобы перевернуть страницу, как все мышцы тут же отозвались тупой, ноющей бо-

лью. Вчерашние попытки покорить учебный склон и эпичное приземление в сугроб давали о себе знать: ныла спина, тянуло ноги, а плечи будто налили свинцом.

Я отложила «Киндл» и поняла, что если сейчас не разомнусь, то завтра вообще не встану с кровати. Пока в доме ни души — идеальный момент для спокойной растяжки.

Я поднялась к себе, переоделась в удобный спортивный комплект — мягкие темно-серые лосины и облегающий топ в тон, накинула сверху легкую олимпийку на молнии, чтобы не замерзнуть, и достала из чемодана свой тонкий дорожный коврик для йоги.

Спускаться в общую гостиную я не рискнула — вдруг кто-то вернется. Вместо этого я прошла через кухню к застекленной закрытой веранде, которая выходила на задний двор к лесу. Здесь было светло, пахло свежей хвоей, из больших окон открывался потрясающий вид на заснеженные ели, а батареи грели так хорошо, что через пару минут я даже расстегнула и сняла олимпийку, оставшись в одном топе.

Я включила в наушниках тихую инструментальную музыку, расстелила коврик на теплом деревянном полу, встала в начале коврика и сделала глубокий вдох.

Потянулась руками вверх, плавно ушла в наклон, чувствуя, как приятно растягивается ноющая спина... Потом перешла в «собаку мордой вниз», медленно выдыхая и наконец отпуская все напряжение этого сумасшедшего утра. Мир вокруг сузился до ритма дыхания, тихой музыки в ушах и

мягкого света за окном.

Спустя минут десять боль в мышцах начала потихоньку отпускать, сменяясь приятным, тягучим теплом во всем теле. Я перешла в спокойную позу голубя, опустилась на предплечья и повернула голову к панорамному окну.

За стеклом открывался вид, от которого захватывало дух. Высокие мохнатые ели стояли укутанные в тяжелые белые шубы, словно декорации к старой зимней сказке. Утреннее солнце наконец пробилось сквозь вершины гор, и снег на поляне перед лесом заискрился так ярко, будто кто-то рассыпал по сугробам миллионы крошечных осколков хрусталя. Ни следов, ни людей — только нетронутая белизна и редкие снежинки, медленно кружащие в солнечном луче.

Глядя на этот блеск, я поймала себя на том, что голова сама собой начала работать. В воображении тут же всплыли эскизы, которые я отложила перед отъездом: захотелось нарисовать серию зимних открыток или стикеров с такими же графичными темными елями, мягким золотистым светом и крошечным деревянным домиком на краю леса. Руки даже зачесались поскорее достать скетчбук и карандаши, пока картинка перед глазами была такой живой и объемной.

Я плавно сменила ногу, продолжая глубоко дышать и мысленно подбирая оттенки синего и серебристого для будущего рисунка. На часах было около одиннадцати. Вика перед уходом клятвенно пообещала, что они с Димой накатаются до обеда и вернутся к часу дня — а значит, у меня в запасе

было еще целых два часа абсолютного покоя. Я успею и растяжку закончить, и в душ сходить, и даже сделать пару набросков в блокноте до того, как дом снова наполнится криками, смехом и топотом.

Эта мысль грела не хуже горячего чая. Все-таки даже в таком сумасшедшем месте можно найти свой тихий островок, если знать, где спрятаться.

Глава 6

Руслан

День не задался с самого утра, а к полудню я уже был готов придушить всех троих.

Мы завалились обратно в шале злые как черти — я шел следом за этими придурками и едва сдерживался, чтобы не выдать каждому по подзатыльнику.

— Вы, блядь, серьезно?! — рыкнул я, сдергивая шапку на ходу и швыряя ее на тумбочку в прихожей. — Я вам вчера черным по белому написал: проверьте коммутацию на основном пульте и заберите переходники у звукаря! Какого хера вы туда даже не зашли?!

— Да зашли мы, Рус, че ты орешь сразу! — огрызнулся Стас, стягивая куртку. — Там бармен сказал, что звукарь бухой после вчерашнего и закрылся в подсобке! Нам че, дверь выносить надо было?

— Надо было мне позвонить, идиот, а не сваливать молча жрать бургеры! — я прошел следом за ними на кухню, чувствуя, как на висках пульсирует злость. — У нас через час саундчек, а вы опять через жопу все делаете!

— Ой, да не занудствуй, разрулим до вечера, — махнул рукой Глеб, направляясь к столу, но вдруг резко затормозил прямо посреди кухни, уставившись в сторону приоткрытых стеклянных створок, ведущих на закрытую веранду.

В него тут же со всего маху врезался Стас, следом Кир, а за ними — и я, едва не влетев плечом в дверной косяк.

— Какого... — начал я, но осекся на полуслове, проследив за их взглядами.

На веранде, залитой ярким зимним солнцем, на тонком коврике для йоги стояла Аня.

Точнее, «стояла» — это мягко сказано. Я вообще без понятия, как называется эта чертова поза, но глядя на нее в этом дурацком голубом комбезе с мехом на склоне или в огромном бабушкином свитере с кружкой чая, в жизни не подумаешь, что она способна на такое.

Она сидела на коврике в глубоком шпагате — одна нога согнута впереди, вторая идеально ровно вытянута назад, а сама она, выгнув спину, опиралась на предплечья и спокойно смотрела в окно. Короткий спортивный топ открывал тонкую талию, а длинные волосы, собранные в небрежный узел, чуть касались плеч. Ни дрожи, ни напряжения — будто она так каждый день утренний кофе пьет.

На кухне повисла тишина.

Первым очнулся Стас. Он медленно выдохнул, моргнул пару раз:

— Твою ж мать... Пожалуй, я никуда не пойду.

Не сводя с нее глаз, он молча подцепил ногой ближайший кухонный стул, пододвинул его поближе к стеклянной двери и нагло уселся, уперев локти в колени, будто пришел в первый ряд партера.

Глеб рядом со мной тихо заржал, криво усмехнулся и демонстративно поправил штаны спереди:

— Охренеть тихоня... Представляю, что эта скромница умеет в постели, если она так на ровном месте складывается.

Кир вообще завис, склонив голову набок с таким видом, словно увидел восьмое чудо света:

— Дьявол, а она хороша…

У меня внутри все мгновенно натянулось как струна. Я сжал челюсти так, что заходили желваки, и злобно фыркнул, стараясь прокашляться, чтобы эта дуреха наконец услышала нас и прекратила этот цирк. Но куда там — сам я напрягся не меньше остальных. А кто бы тут, блядь, не напрягся?! Обтянула себя хер пойми чем, раздвинула ноги в воздухе прямо перед стеклянной дверью и стоит, дышит себе спокойно! Гибкая, сука, во всех смыслах.

И тут я заметил в ее ушах белые наушники. Понятно. Она нас тупо не слышит.

— А ну встал, придурок, — сквозь зубы процедил я, пихнув ногой ножку стула под Стасом так, что тот едва не грохнулся. — Ушли отсюда. Живо.

Я тряхнул головой, сбрасывая наваждение, и молча, широким шагом прошел мимо них прямо на веранду — так, чтобы точно попасть в ее поле зрения и не напугать до полусмерти, хотя придушить ее за такую неосторожность хотелось не меньше, чем этих троих зрителей.

Стоило моей тени упасть на коврик, как Аня распахнула

глаза и наткнулась прямо на меня.

Она коротко, по-мышиному пискнула. Аня с какой-то кошачьей ловкостью мгновенно выкрутилась из своего гимнастического узла, плавно поднялась с коврика и вскочила на ноги, тут же скрестив руки на груди и заливаясь таким густым румянцем, что, казалось, от нее сейчас снег за окном растает.

Из-за спины, со стороны кухни, тут же раздалось дружное, разочарованное мычание этих трех остолопов. Стас даже демонстративно похлопал в ладоши, за что поймал мой такой тяжелый взгляд, что парни тут же предпочли ретироваться в сторону лестницы, глупо гогоча на ходу.

Я перевел взгляд обратно на Аню. Она стояла передо мной растрепанная, в этом чертовом облегающем топе, и смотрела на меня так, словно я застукал ее на месте преступления.

— В доме вообще-то есть нормальный тренировочный зал на цокольном этаже, Снегурочка, — бросил я как можно более небрежно и остро, хотя голос предательски сел, а взгляд сам собой скользнул по ее тонкой талии. — Если хочешь размяться — можешь ходить туда. А то у нас тут народ нервный, не у всех сердце выдержит такие... утренние представления.

Она замерла передо мной с испуганно распахнутыми глазами и сжимала плечи руками так, словно пыталась спрятаться сама в себя.

— Я... я не знала, — едва слышно прошептала она, глядя куда-то в район моего подбородка. — Мне вообще сказали,

что до обеда никого не будет...

На секунду она будто застопорилась, застыв на месте от стыда, а потом резко дернулась, неуклюже смяла свой коврик в охапку, подхватила с пола брошенную олимпийку и буквально пулей промчалась мимо меня на кухню, а оттуда — бегом по лестнице наверх. Только ступеньки застучали под ее босыми пятками.

Я остался стоять посреди пустой веранды.

В помещении все еще пахло ее легким сладковатым парфюмом. Я громко прокашлялся, пытаясь согнать дурацкий ком в горле, отвернулся к панорамному окну, глядя на слепящий белый снег и темные ели, и тяжело, шумно выдохнул через нос.

Потом запустил пятерню в волосы, взъерошив их так, словно пытался стряхнуть с себя это чертово наваждение, и развернулся к выходу.

«Зашел, бля, за флешкой...»— мрачно подумал я, поднимаясь по лестнице в свою комнату и чувствуя, что теперь с этой тихоней в одном доме будет охренеть как непросто.

Я просидел в своей комнате минут двадцать, тупо глядя в экран ноутбука и пытаясь привести башку в норму. Перед глазами упорно стояла эта чертова картинка: залитая солнцем веранда, тонкая талия, обтягивающие лосины и абсолютно нереальный, идеальный шпагат в воздухе.

«Соберись, тряпка, — мысленно рявкнул я сам на себя, с силой потерев лицо ладонями. — Ты ее второй день видишь.

Обычная домашняя мышь, просто с растяжкой. Забей».

Надо было срочно сваливать на саундчек и впрягаться в работу, иначе крыша точно поедет. Я вскочил со стула, подошел к столу за флешкой с черновиками треков — и замер. Пусто. Перерыл карманы куртки, заглянул под ноутбук, вытряхнул рюкзак. Нету. Вот же сука, день продолжал радовать по полной программе.

— Нашел! — заорал Стас с первого этажа так громко, что задрожали стекла в рамах. — Она у тебя в кроссовке лежала, гений!

Через пару секунд по деревянной лестнице загрохотали тяжелые шаги, и Стас, хохоча во все горло, без стука ввалился в мою комнату, размахивая моей флешкой как трофеем.

— Ты че, в обувь теперь ценности прячешь, чтобы враги не...

Он осекся, потому что ровно в эту секунду дверь напротив моей комнаты тихонько щелкнула, и в коридор вышла Аня.

Я на секунду застыл на пороге и криво усмехнулся. Ну конечно. Куда ее еще могли поселить в этом огромном доме? Ровно, мать ее, напротив меня. Это даже не совпадение — это гребаная издевательская судьба, не иначе.

Аня была уже в своем привычном объемном кардигане, с аккуратно заплетенной сбоку тонкой косичкой. Она тащила в руках целую стопку каких-то альбомов, папок и пенал, тихонько пыхтя от усердия, и даже не подняла головы в нашу сторону — демонстративно уставилась себе под ноги и боч-

ком-бочком заспешила к лестнице.

Я проводил ее взглядом, сам не замечая, как прищурился.

Перед самым носом раздался громкий щелчок пальцами.

— Эй, прием! Земля вызывает диджея! — Стас с наглой ухмылкой щелкнул пальцами еще раз прямо перед моим лицом, возвращая меня в реальность.

Я мгновенно нахмурился и резким движением вырвал у него из руки флешку.

— Руки убери, придурок.

Стас даже не обиделся — только расплылся в ехидной ухмылке, кивнув подбородком в сторону лестницы, где только что скрылась Аня:

— Ого, Рус... Неужели нашего главного ценителя клубных львиц потянуло на экзотику тихих гаваней? Смотри аккуратнее, она же краснеет от одного твоего взгляда.

— Никуда меня не тянуло, не неси херню, — прошипел я, сунув флешку в карман джинсов и подхватывая со стула черную куртку. — Просто удивляюсь, как эта тихоня вообще попала в этот рой диких пчел. Ее тут сожрут и не подавятся.

— Ага, конечно, чисто из сочувствия так пялился, — заржал Стас, отступая в коридор. — Погнали уже, благодетель, нас звукарь ждет.

Я только злобно фыркнул, захлопнул дверь комнаты и пошел следом за ним вниз, стараясь не думать о том, почему мне так хочется свернуть шею любому, кто посмотрит на нее так же, как смотрели эти трое на веранде.

Глава 7

После утреннего провала на закрытой веранде я решила, что в общих помещениях дома мне больше делать нечего. Переодевшись в привычный уютный кардиган, я подхватила папку с бумагой, пенал и свой графический планшет и вышла из комнаты.

В коридоре тут же наткнулась на Руслана и Стаса — они как раз стояли у двери напротив. Я старательно сделала вид, что страшно занята своими альбомами, опустила взгляд в пол и бочком проскользнула мимо них к лестнице.

В гостиной сидеть в четырех стенах не хотелось — за окном было слишком красиво, чтобы тратить такое солнце на пыльный потолок. Накинув в прихожей теплую удлиненную куртку и сунув ноги в зимние ботинки на толстой подошве, я быстренько выскользнула через заднюю дверь на открытую уличную веранду, которая огибала дом со стороны леса и выходила к расчищенной дорожке перед крыльцом.

Здесь стояли широкие деревянные раскладные стулья с теплыми шерстяными накидками. Я выбрала тот, что стоял в самом углу, подальше от двери, забралась на него с ногами, положила на колени планшет и открыла скетчбук.

Морозный воздух приятно бодрил. Солнце пригревало так, что даже без перчаток пальцы не мерзли, а вокруг стояла хрустальная лесная тишина, от которой внутри все расправ-

лялось. Мне хотелось набросать что-то здешнее: может быть, утренний учебный склон с крошечными фигурками лыжников или сам этот огромный деревянный дом, укутанный снегом.

Рука сама начала набивать легкие, уверенные штрихи простым карандашом — контур крыши, дымок из трубы, мохнатые лапы елей. Параллельно я переключилась на графический планшет, чтобы доработать старый эскиз: подправить тени, добавить мягкого золотистого свечения в окна, подобрать нужный оттенок зимних сумерек. Я так увлеклась, что перестала замечать время.

Покой закончился внезапно.

Тяжелая дверь со стороны прихожей распахнулась с таким грохотом, словно ее выбили ногой, и на крыльцо буквально вывалилась вся четверка парней. Они ржали в голос, толкались на ступеньках и препирались друг с другом, как пацаны после уроков.

— Да я тебе говорю, Стас, если ты еще раз мой шнур от микрофона в свой рюкзак засунешь, я тебе его вместо шнурков в кеды завяжу! — хохотал Глеб, уворачиваясь от снежка, который Стас на ходу слепил с перила.

Я мгновенно втянула голову в воротник куртки и еще ниже наклонилась над планшетом, делая вид, что невероятно занята тончайшей прорисовкой еловых иголок и вообще не замечаю никого вокруг.

Парни шумно спустились с крыльца и двинулись по рас-

чищенной дорожке к калитке, но Руслан, шедший последним, вдруг притормозил. Я не поднимала глаз, но кожей чувствовала — он остановился в паре метров от веранды и смотрит прямо на меня.

— Смотри не примерзни к стулу, Снегурочка, — раздался его знакомый низкий голос с легкой насмешкой. — Долго на морозе не сиди, а то сляжешь с соплями и всех нас перезаражаешь. Нам болеть некогда — у нас тут, в отличие от некоторых, работа вообще-то.

Я плотно поджала губы, чувствуя, как внутри вспыхивает легкое возмущение. Ну надо же, трудяга нашелся! Я все-таки подняла взгляд от планшета и посмотрела прямо на него, собираясь ответить что-нибудь колкое.

Руслан стоял, засунув руки в карманы черной куртки, чуть склонив голову набок, и смотрел на мою непокрытую макушку с каким-то странным, полунасмешливым-полунедовольным прищуром.

— Шапку надень, — бросил он коротко, словно отдал приказ, резко развернулся и широким шагом пошел догонять своих.

Парни у калитки, услышав это, тут же дружно загоготали и заулюлюкали:

— О-о-о, мамочка проснулась! Русланчик за здоровьем следит!

— Пошли быстрей, заботливый, а то опоздаем!

Я так и осталась сидеть на деревянном стуле, растерянно

таращась ему в спину и моргая на ярком солнце.

«Чего? Шапку?!» — пронеслось в голове. Я машинально потрогала рукой макушку — и правда, в спешке выскочила на улицу без шапки. Но какое ему вообще дело?! То он смотрит на меня так, будто я пустое место, то командует, как старший брат!

Я фыркнула, снова опустила взгляд на планшет — и с досадой обнаружила, что вместо аккуратной еловой ветки стилус провел длинную, кривую черту прямо поперек всего рисунка.

На улице я просидела еще минут пятнадцать — ровно до тех пор, пока не поняла, что уши все-таки начали предательски пощипывать от мороза, а пальцы на правой руке плохо слушаются стилус. Пришлось признать: в одном этот наглый диджей был прав — шапку стоило надеть.

Я вернулась в теплый дом, поднялась в комнату и, увлекшись эскизами, не заметила, как пролетело время. Когда я снова спустилась на кухню, на часах было уже около половины пятого — трассы вот-вот должны были закрыться, но Вики с Димой всё еще не было. От нечего делать я заглянула в холодильник, увидела пакет картошки, куриное филе, овощи и зелень, которые Вика с Димой привезли утром, и сама не заметила, как втянулась в процесс. На кухне вкусно зашкворчала сковородка, по дому поплыл аромат жареной курицы с чесноком и специями, а рядом на конфорке уже доходил легкий овощной суп.

Я как раз выключала плиту и вытирала руки полотенцем, когда входная дверь с грохотом распахнулась, впуская в прихожую клубы холодного пара и громкие голоса.

На кухню ввалились Макс и еще один парень — высокий, рыжеватый, с веснушками на носу и шапкой набекрень. Судя по всему, это и был Рома, второй сосед Димы.

Макс, увидев меня у плиты, тут же просиял, подскочил ко мне с такой скоростью, словно я была оазисом в пустыне, и торжественно сунул мне в руки огромную плитку молочного шоколада с фундуком.

— Кексик, ты моя богиня! — с чувством заявил он, прижимая руку к груди. — Босс даже не заметил, что пуговицы не родные, премию выписал за смену! Долг закрыт, держи!

— Да не за что, Макс, правда, — улыбнулась я, принимая шоколадку.

— Макс, заткнись, я сейчас умру... — простонал тем временем Рома, сползая по дверному косяку и хватаясь за живот. — Я с самого утра на канатке торчу, даже нормально пообедать не успел, у меня сейчас желудок сам себя переваривать начнет...

Он сделал шаг на кухню, повел носом — и замер, уставившись на дымящуюся сковородку и кастрюлю на плите. Без лишних церемоний, расспросов и даже не помыв руки (за что тут же получил подзатыльник от Макса и все-таки метнулся к раковине), Ромка схватил самую большую глубокую тарелку и наложил себе целую гору курицы с картошкой.

Следом за ним к плите тут же пристроился Макс.

— Охренеть... — выдохнул Рома с набитым ртом, закатывая глаза от удовольствия. — Это вообще легально? Кексик, скажи честно, тебя нам сама Вселенная послала?

— Сто процентов, братан! — гоготал Макс, уже уплетая курицу прямо стоя у стола. — От наших девчонок дождешься максимум салатного листа или йогурта раз в неделю, а тут такое! Кексик, ты наше спасение! Из-за тебя у нас теперь точно гастрита не будет!

Я только рассмеялась, качая головой:

— Да ешьте на здоровье, я все равно слишком много приготовила, нам с Викой столько за три дня не съесть.

И ровно в эту секунду в прихожей послышался знакомый звонкий смех — с трассы наконец вернулись Вика и Дима.

Дима зашел на кухню первым, расстегивая куртку, увидел Макса и Рому, уминающих мой обед за обе щеки, и тут же недовольно нахмурился:

— Эй, саранча, вы ничего не перепутали? Это вообще-то Снежинка нам готовила! А ну брысь от сковородки!

Но на парней его возмущение не произвело ровным счетом никакого впечатления. Рома даже жевать не перестал, только лениво махнул вилкой в сторону холодильника:

— Ой, Димон, не жлобись, тут на целую роту хватит. А если тебе жалко — вон возьми с нашей полки сосиски или сыр, мы не жадные!

— Точно, и не бубни, как дед старый, — поддакнул Макс,

накладывая себе добавку.

Вика только весело рассмеялась, глядя на их перепалку, скинула пуховик прямо на стул и направилась к кофемашине делать себе латте, на ходу тараторя:

— Ань, ты бы видела, как я сегодня с синей трассы съехала! Ну ладно, почти съехала, последние пять метров на попе, но Дима сказал, что техника уже видна! А потом мы еще в кафешке наверху глинтвейн пили...

Она схватила дымящуюся кружку, подлетела ко мне, звонко чмокнула в щеку и плюхнулась на стул рядом, с искренним интересом заглядывая мне в глаза:

— А ты как тут без меня, Тихоня? Не соскучилась? Чем занималась?

Я посмотрела на свою сладкую шоколадку на столе, вспомнила утреннюю акробатику на веранде, «шапку надень» от Руслана и сдержанно улыбнулась:

— Да так... гуляла, рисовала немного. Тишина, покой — всё как я люблю.

— Ага, наслаждайся этой тишиной последние сорок минут, Кексик, — усмехнулся Макс, откидываясь на спинку стула и сыто поглаживая живот. — Потому что через час ее здесь не будет и в помине!

Я настороженно покосилась на него, сжимая в руках кружку с чаем:

— В смысле?

— А в прямом! — подхватил Рома, заговорщицки пе-

реглянувшись с Максом. — У нас гениальная идея: нужно закатить нормальную домашнюю вечеринку в честь вашего приезда! Тем более завтра у всей нашей смены выходной, на работу с утра никому не ползти. Соберем народ, музыку врубим, отметим по-человечески!

Дима, который как раз ставил на стол тарелку, услышав это, громко застонал и схватился за голову:

— О нет... Девчонки, ради всего святого, не соглашайтесь! Я вас умоляю! Знаю я их «отметим по-человечески» — эти двое напьются первыми, уснут в сугробе, а весь этот бардак потом придется разгребать самым трезвым! И почему-то мне подсказывает интуиция, что этим самым трезвым буду я... Ну и Снежинка за компанию.

Вика звонко рассмеялась и махнула рукой в мою сторону:

— Ой, Дим, да не драматизируй! Между прочим, Анька тоже пьет, просто очень редко и по большим поводам! Последний раз, правда, это было полгода назад на выпускном, когда мы свои красные дипломы получили, но там она так зажигала, что весь курс потом неделю вспоминал!

Я мгновенно почувствовала, как к щекам приливает предательский жар, и смущенно уставилась в вазочку с баранками посреди стола. Ну вот зачем, спрашивается, Вике нужно было сдавать меня с потрохами?! Там на выпускном было всего два бокала шампанского на голодный желудок, а она расписала так, будто я на столах танцевала!

Макс и Рома, услышав такую новость, тут же дружно за-

гудели и застучали кулаками по столу:

— О-о-о, так Кексик у нас еще и с красным дипломом?!

— Всё, без вариантов, вечеринке быть! Мы обязаны это видеть!

Я только тяжело вздохнула, глядя на их сияющие, хитрые физиономии.

Глава 8

К семи вечера наше шале гудело так, будто внутри запустили реактивный двигатель.

Девчонки подошли к делу со всей серьезностью: Полина и Лера выплыли из своих комнат в коротких платьях, с укладками и блестящим макияжем. Вика тоже решила не отставать — надела обтягивающий розовый топ с открытыми плечами и черную мини-юбку, мгновенно превратившись в звезду танцпола. Парни, напротив, не стали заморачиваться вообще: свежие футболки, худи, джинсы — чистый спортивный расслабон.

Ну а я осталась верна себе. Никаких платьев, каблуков и мини-юбок у меня с собой в горы даже не было, да и наряжаться ради домашних посиделок я не видела смысла — тем более что в планах у меня значился тихий тактический побег в свою комнату ровно в десять вечера. Я натянула обычные прямые джинсы и любимую белую оверсайз-футболку с необычным графичным принтом: на груди был напечатан силуэт зимнего города в стеклянном шаре. На самом деле этот эскиз нарисовала я сама еще осенью, а мама перед моим отъездом тайком скачала файл с моего ноутбука и заказала печать в качестве сюрприза. Как ни странно, футболка вызывала восторг у всех, кто ее видел — Лера даже спросила, где я отхватила такой крутой дизайнерский принт, но я только

скромно пожала плечами, не признаваясь, что это мое.

К восьми гостиная окончательно превратилась в муравейник.

Помимо наших жильцов, в дом начали вваливаться какие-то новые люди — видимо, знакомые ребят из соседних шале и отеля. Кто-то притащил колонки помощнее, кто-то — пакеты с закусками и ящики напитков. Музыка заиграла громче, стало жарко, тесно и до безумия шумно.

Я скромно устроилась в своем любимом углу дивана, держа в руках высокий стакан с яблочным соком. Парни, проходя мимо, то и дело пытались подлить мне чего-нибудь покрепче, но Полина с Лерой грудью вставали на мою защиту:

— Отвалите от Кексика, ироды! Не спаивайте ребенка! — смеялась Полина, отгоняя Макса с бутылкой вина.

Правда, при этом сами девчонки каждые двадцать минут с завидным упорством совали мне под нос бокал с шампанским, мол, «ну хоть глоточек за знакомство, Ань, не будь букой!».

В итоге, когда в гостиной стало совсем душно от смеха, криков и жара от камина, я все-таки сдалась. Взяла запотевший бокал, который мне в очередной раз сунула в руки Маринка — одна из приглашенных подруг Полины, работавшая детским инструктором на учебном склоне, — и сделала большой глоток холодного, колючего игристого.

Маринка, кстати, работала детским инструктором на учебном склоне и внешне подходила на эту роль идеально:

мягкая улыбка, аккуратное каре, спокойный, мелодичный голос, который хотелось слушать бесконечно. В начале вечера она держалась очень сдержанно и интеллигентно. Но стоило ей выпить пару бокалов шампанского, как вся педагогическая выдержка испарилась без следа — и вот уже Маринка на пару с Полиной с визгом носилась по гостиной за Максом и Ромкой, опять что-то не поделив на кухне.

Я сидела на диване и тихонько смеялась, наблюдая за этим хаосом.

Странное дело, но мне было хорошо. Это и правда было для меня совершенно непривычно: впервые в жизни я оказалась в огромной, шумной компании, где люди за пару дней стали какими-то... своими, что ли. Мне впервые было легко просто сидеть рядом, перебрасываться парой слов, смеяться над их дурацкими шутками, даже несмотря на то, что мои тихие вечера с книгами и их безумный ритм жизни находились на разных полюсах.

Я перевела взгляд в сторону барной стойки. Вика, как обычно, щебетала там без остановки. Рядом с ней стоял Дима — он смотрел на нее с такой мягкой, завороженной улыбкой и рассеянно накручивал на палец ее светлый локон, что-то негромко рассказывая на ухо. Судя по тому, как близко они стояли, эти двое продвинулись в общении гораздо дальше, чем просто «инструктор и ученица». Вот как у нее это так быстро и легко получается?

— Добавки? — раздался низкий голос прямо над моим

ухом.

Я вздрогнула так, что чуть не расплескала остатки из бокала, и резко обернулась.

Рядом с диваном стоял Стас. В черной футболке, с привычной наглой ухмылкой, держа в руке уже вспотевшую бутылку шампанского.

— Думаю, нет, мне хватит, — быстро проговорила я, прикрывая бокал ладонью.

Но Стас даже слушать не стал — с широкой улыбкой аккуратно отодвинул мою руку и плеснул игристого до самых краев.

— Поверь, Снегурочка, то, что здесь будет твориться через час, лучше смотреть уже... скажем так, слегка расфокусированными глазами, — усмехнулся он, наклонившись чуть ниже. — На трезвую голову этот цирк покажется сущим адом.

Он весело подмигнул мне, развернулся и пошел дальше вдоль дивана, разливая шампанское другим девчонкам. Полина и Лера тут же заулыбались ему во все тридцать два зуба, кокетливо поправляя волосы и о чем-то оживленно болтая. Я посмотрела на них и только хмыкнула про себя: куда только делась вся их вчерашняя «сдержанность» и строгие предупреждения «держаться от этих отбитых подальше»?

Я сделала еще один осторожный глоток колючего шампанского. В голове уже приятно шумело, тревожность окончательно растворилась в общем гуле голосов, и я даже начала

потихоньку притопывать ногой в такт басам.

Как вдруг диван в самом дальнем, относительно тихом углу гостиной рядом со мной ощутимо прогнулся.

Я повернула голову — и едва не поперхнулась игристым. Рядом, буквально в десяти сантиметрах, развалился Руслан. Он закинул татуированную руку на спинку дивана прямо за моей головой с таким невозмутимым видом, словно был единоличным хозяином этого дома, этого дивана и меня в придачу. Еще пара сантиметров — и его запястье легло бы мне прямо на плечо. От него пахло свежим морозным воздухом с улицы, терпким парфюмом и легкой горчинкой табака.

Следом в кресло чуть сбоку от меня плюхнулся Глеб, а за спинкой дивана лениво пристроился Кир, скрестив руки на груди — словно во всей огромной гостиной не нашлось ни одного другого свободного угла, чтобы перетереть свои дела.

Я тут же инстинктивно сжалась в комочек, поджала ноги под себя и вцепилась в свой бокал обеими руками, попивая шампанское мелкими глотками и невольно прислушиваясь к их разговору.

— Короче, там полная жопа, Рус, — мрачно бросил Глеб, потирая переносицу. — Ветров звонил десять минут назад. Сказал, что прилетает не в пятницу, а завтра вечером. А у нас второй трек вообще не сведен, и свет на площадке еще не выставили!

Руслан нахмурился так, что между бровей залегла глубокая складка, и с силой потер подбородок.

— Да чтоб его... Какого хера он график меняет за сутки?! Мы же договаривались на конец недели, там половина аппаратуры еще в настройке, бля...

Он резко осекся на полуслове, громко прокашлялся, покосился на меня — и вдруг, совершенно бесцеремонно подавшись вперед, накрыл мои уши своими большими горячими ладонями.

— ...блядь, ну это просто пиздец какой-то, Глеб, пусть сам тогда со звукарем разбирается, — закончил он приглушенно, хотя сквозь пальцы я все равно отчетливо разобрала каждое слово.

Через пару секунд он так же молча убрал руки обратно на спинку дивана. Я сидела ни жива ни мертва, плотно поджав губы и чувствуя, как уши просто полыхают от его прикосновения и от собственной неловкости.

Глеб, наблюдавший эту сцену, громко заржал, откидывшись на спинку кресла:

— Охренеть, Рус, ты чего ее нянчишь, как первоклассницу?! Ей же вроде уже есть восемнадцать?

— Мне двадцать один! — тут же выпалила я, резко выпрямляя спину и слегка вздернув подбородок. Видимо, шампанское все-таки придавало храбрости.

Из-за спинки дивана, где, судя по всему, пристроился Кир, тут же послышался ехидный смешок:

— Ну, судя по габаритам, твое взросление остановилось где-то на уровне семнадцати. Максимум — шестнадцати с

половиной.

Я только пожала плечами, стараясь выглядеть максимально невозмутимо, и снова отпила из своего бокала.

— У меня мама небольшого роста, — спокойно пояснила я, глядя куда-то в центр комнаты. — Да и папа не сильно высокий. Мне просто не в кого быть большой.

Руслан чуть повернул голову в мою сторону. Его темный, цепкий взгляд скользнул по моему лицу, задержался на смущенно сжатых губах, и он с ленивой, чуть насмешливой усмешкой спросил:

— Они у тебя, наверное, аристократы? Всю жизнь в башне под замком держали, подальше от людей? Оттуда и эта твоя страсть к книжкам и гробовой тишине?

Я замерла с бокалом у губ и плотно, почти до белизны, сжала их. Вся легкость, которую подарило шампанское, испарилась в одну секунду, сменившись неприятным, колючим холодком внутри.

Вот именно сейчас эта тема была совсем, абсолютно некстати.

Я быстро скользнула взглядом по его лицу, резко вскинула подбородок — словно мне только что сказали что-то по-настоящему мерзкое — и поднялась с дивана.

— Пойду Вику найду, — бросила я и, не оглядываясь, пошла прочь.

— Эй, а чего такого-то? — крикнул вдогонку Кир, но я уже даже не смотрела в их сторону.

Я просеменила через всю гостиную, стараясь не задевать танцующих людей, и едва не проскочила мимо самой Вики, которая как раз выходила из кухни с тарелкой фруктов.

— Эй, Ань, ты куда так несешься? Что случилось? — тут же нахмурилась подруга, придерживая меня за локоть.

— Всё нормально, просто душно очень, голова разболелась, — быстро соврала я, выдавив подобие улыбки. — Пойду подышу минут пять, не теряй.

В прихожей я наспех напялила прямо на футболку свою куртку, сунула ноги в зимние ботинки, даже не зашнуровывая, и выскочила за входную дверь.

Морозный воздух мгновенно обдал горячие, пылающие щеки. Я даже застегиваться не стала — внутри все горело от обиды и какого-то дурацкого бессилия. Бокал я оставила в доме, и сейчас впервые подумала, что это было ошибкой: кажется, пара лишних глотков мне бы сейчас совсем не помешала, чтобы заглушить этот неприятный осадок.

На улице было тихо и сказочно красиво. Вдали, сквозь темные стволы сосен, тепло светились гирлянды и фонарики соседних шале. Снег падал медленно, крупными пушистыми хлопьями. Я подошла к деревянным перилам крыльца, облокотилась на них и залюбовалась тем, как снежинки кружат в желтом свете уличного фонаря на столбе.

Я настолько ушла в свои мысли, что даже не услышала, как за спиной тихо скрипнула дверь. Очнулась только тогда, когда кто-то молча подошел и встал рядом у перил, в полу-

метре от меня.

Я покосилась вбок. Руслан. Он даже куртку накидывать не стал — так и вышел на мороз в одной черной футболке, открывающей татуированные предплечья, будто холод на него вообще не действовал. Он щелкнул зажигалкой, прикурил сигарету и медленно выпустил в морозный воздух густое сизое облачко дыма.

Пару секунд мы стояли молча. Потом он скосил на меня темный взгляд и негромко спросил:

— Значит, я прав?

— В чем? — несмело уточнила я, сжимая пальцами холодные деревянные перила.

— В том, что тебя держали взаперти, — тут же уточнил он, затягиваясь снова. Он даже не пытался быть снисходительным или смягчить тон — ковырял мою рану прямо и безжалостно, словно специально проверял, насколько глубоко она болит.

Я посмотрела на кружащий под фонарем снег и тяжело, медленно выдохнула, выпуская облачко пара.

— Мои родители в разводе с моих четырнадцати лет, — начала я тихо, глядя куда-то в темноту леса. — До этого я вообще не помню ни одного дня, чтобы они не ругались. Вечные крики, скандалы, битье посуды на кухне и мамины слезы по ночам. Я каждый день приходила из школы и сразу запиралась у себя в комнате — делала уроки и читала книги. Телевизор у нас был один, в гостиной, но выйти туда я просто

не могла, потому что там постоянно орали.

Я замолчала на секунду, чувствуя, как к горлу подкатывает привычный ком, но заставила себя говорить дальше:

— Так что это скорее привычка. Мне просто нравится там, где тихо. Я не какая-то, знаешь ли, скучная зануда с книжкой. Просто за те четырнадцать лет я настолько намечталась о тишине, что для меня она в своем роде... как свобода. После развода я осталась жить с мамой. Она сутками пропадала на работе, чтобы нас вытянуть, а я — на учебе. Из всех друзей у меня только Вика. И если бы не она, я бы, наверное, сейчас сидела дома, пила чай, читала книги и рисовала. Даже Новый год бы праздновать не стала. Поэтому нет — мои родители не аристократы. И они меня не держали взаперти.

Я замолчала, повернула голову, мельком глянула на замершего с сигаретой Руслана и, больше не сказав ни слова, развернулась и ушла обратно в дом.

Не знаю, зачем я ему всё это выложила. Наверное, игристое всё-таки развязало язык. Но мне вдруг стало абсолютно плевать, что он теперь будет обо мне думать — пожалеет, посмеется или просто забудет через пять минут. Я уеду отсюда через неделю, и всё снова будет как раньше.

Глава 9

Руслан

Казаться придурком и быть им — это вообще-то две совершенно разные вещи. Но именно сейчас, стоя на ледяном крыльце в одной футболке, я чувствовал себя самым настоящим, эталонным кретином.

Обычно мне было глубоко насрать на мнение людей, их обиды и любые доводы. Подумаешь, ляпнул не подумав — кто не вывез, тот сам виноват, я никого за руку рядом не держу. Но эта чертова Снегурка явно не входила в их число. Она с самого первого дня, с того гребаного стакана глинтвейна у двери бара, запала мне в башку так плотно, будто отморозила половину мозга.

Я вообще понятия не имел, что в ней такого особенного. Обычная тихоня с растянутыми свитерами, электронными книжками и милым лицом, больше похожим на подростковое, чем на взрослое. Да и вкус у меня всю жизнь был совершенно другой — мне по всем параметрам куда больше подходила та же Лера, яркая, развязная кукла, которая с полуслова понимает правила игры и не строит из себя недотрогу. Но нет же, блядь, надо было запасть именно на этого мышонка! На эту ее дурацкую, детскую привычку заплетать тонкую косичку у самого лица, словно ей двенадцать лет, и смотреть своими огромными глазищами так, будто я сейчас ее съем.

А я взял и полез грязными сапогами прямо туда, куда лезть вообще не стоило. Аристократы, блядь... Шутник хренов.

Я настолько ушел в эти мрачные мысли, что даже не заметил, как докурил сигарету до самого фильтра. Очнулся только тогда, когда горячий пепел больно обжег пальцы.

— Сука... — процедил я сквозь зубы, тряхнув рукой и затушив окурок в жестяной пепельнице на перилах.

Я развернулся лицом к большому панорамному окну гостиной и пару секунд просто стоял в темноте крыльца, наблюдая за тем, что творилось внутри за стеклом.

Вечеринка в доме уже вовсю катилась к финалу — музыка орала на всю катушку, народ смеялся, кто-то танцевал прямо между креслами. Подруга Ани, эта розовая барби, так и крутилась у барной стойки с дебилом Димой — будь он неладен со своей приторной улыбочкой.

А вот в центре зала творилось кое-что поинтереснее. Макс, дурень здоровый, закинул Снегурку себе на плечо, как мешок с картошкой, и нарезал круги вокруг дивана, пока остальные гоготали и орали, показывая какие-то жесты — видимо, у них там шел «Крокодил» на выживание. Аня при этом не вырывалась и не пряталась: она болтала ногами в воздухе, заливисто смеялась и руками пыталась что-то изобразить над головой, раскрасневшаяся и до невозможности живая.

Я стоял на морозе, смотрел на то, как крепко Макс держит

ее за ноги, и невольно криво усмехнулся.

Наверное, я все-таки откручу этому придурку руки чуть позже. Как только разберусь со своей собственной бошкой.

Стоило мне толкнуть входную дверь и шагнуть обратно в тепло, как раунд «Крокодила» с хохотом завершился: Макс наконец спустил раскрасневшуюся Аню на ковер, и вся толпа стянулась в центр гостиной — кто на диване, кто на креслах, а кто прямо на полу у камина — решив напоследок сыграть в «Правду или действие».

Обычно я был жестким противником всей этой детской херни. Взрослые лбы, а ведут себя как школьники на вписке: то в бутылочку крутят, то фанты тянут. Алкоголь окончательно развязал им руки, и я на сто процентов был уверен, что наутро стыдно будет абсолютно всем.

Но, скользнув взглядом по кругу, я заметил, что Снегурка тоже сидит со всеми на ковре — и, судя по очередному пластиковому стакану в ее руках, вечеринка ее все-таки развязала. Щеки розовые, глаза блестят, косичка у лица уже слегка растрепалась. Я невольно усмехнулся.

— Рус, давай с нами, не тупи! — мотнул головой Кир, пристраиваясь рядом со Снегуркой, которая в этот момент о чем-то оживленно болтала со Стасом.

Этот хрен на полном серьезе сидел рядом с ней с умным лицом, активно жестикулировал, а потом вообще достал свой телефон и начал что-то в нем тыкать, показывая ей экран. У меня внутри мгновенно щелкнуло.

«Если он сейчас берет ее номер, то он сразу смертник», — мрачно подумал я, мысленно ставя на Стасе жирный крестик. Я гребаный сапер. И эту мину я только что обозначил красным флажком.

В итоге я все-таки кивнул и прошел в центр, плюхнувшись на край дивана прямо за спиной у Стаса — так, чтобы тот сразу почувствовал мое присутствие затылком. Стас покосился на меня, ухмыльнулся, но телефон от греха подальше убрал в карман.

— О-о-о, тяжелая артиллерия подтянулась! — потер руки Макс. — Раз уж ты в кругу, Рус, тебе и начинать. Правда или действие?

— Правда, — бросил я лениво, откидываясь на спинку и закидывая ногу на ногу.

Макс хитро прищурился, переглянулся с Глебом и выдал:

— Ну тогда отвечай честно, без отмазок: был ли у тебя секс на первом свидании и считаешь ли ты вообще это нормой?

По гостиной прокатился дружный смешок. Я даже бровью не повел — только хмыкнул и пожал плечами:

— Да, было. И да, для меня это норма. Если обоим в кайф, нахрена тянуть резину?

Парни тут же загоготали и застучали стаканами, девчонки заулюлюкали — Лера одобрительно похлопала, а Полина закатила глаза и со смехом обозвала меня кобелем. Я мельком глянул вниз на Аньку: она мгновенно покраснела до са-

мых ушей и, пряча глаза, снова вцепилась в свой пластиковый стакан, сделав сразу пару нервных глотков.

— Так, теперь моя очередь крутить, — усмехнулся я, беря пустую бутылку со стола и раскручивая ее по стеклу.

Горлышко замедлило ход и, как назло, остановилось ровно напротив Ани.

Она тут же напряглась, выпрямила спину и вжала голову в плечи, будто готовилась к расстрелу.

— Ну, Снегурочка, не трусь, — подначил ее Стас сбоку. — Правда или действие?

— Правда, — тихо, но твердо выдохнула она, нервно теребя край стакана пальцами.

Я уже открыл рот, чтобы задать какой-нибудь безобидный вопрос, но меня бесцеремонно перебила Лера, явно подшофе и в отличном настроении:

— О-о-о, отличненько! Раз пошла такая пьянка и тема у нас сегодня взрослая, отвечай честно, Кексик: ты вообще девственница или нет?

В гостиной на секунду притихли даже те, кто трепался у барной стойки. Все уставились на Аню. Она замерла, губы дрогнули, на щеках вспыхнули два ярких пятна. Я уже хотел рявкнуть на Леру, чтобы заткнулась и не лезла к человеку, но Аня вдруг глубоко вдохнула, подняла взгляд и тихо, но отчетливо сказала:

— Нет.

Народ тут же взорвался одобрительным гулом, парни за-

улюлюкали и засмеялись, мол, «а с виду такая тихоня!».

Но я смотрел не на них. Я смотрел на Вику.

Подруга Ани сидела на диване напротив и почему-то вообще не смеялась. Наоборот — она смотрела на Аню с таким странным, тяжелым выражением лица... с каким-то искренним, щемящим сожалением, что ли. Аня поймала ее взгляд, тут же отвела глаза в пол и снова сжалась в комочек, будто ей резко стало холодно.

У меня внутри снова неприятно кольнуло. Даже интересно стало, что это за «правда» такая, от которой эти двое так переглядываются. Очередная гребаная фатальная история из прошлого, что ли?

После ответа Ани повисла неловкая секунда, но Макс тут же схватил бутылку со стола и крутанул ее снова, разгоняя напряжение:

— Так, крутим дальше, народ, не тормозим!

Горлышко замедлило бег и остановилось ровно на нем самом. Макс победно ухмыльнулся, потирая руки:

— Давай, Поль, жги! Выбираю действие!

Полина хитро прищурилась, полистала что-то в своем телефоне и с широкой, ехидной улыбкой развернула экран к нему:

— Окей, спортсмен, раз ты у нас такой сильный и смелый — вот тебе задание. Повторишь вот эту позу из парной акройоги. Только тебе для этого партнерша нужна.

Макс заглянул в экран, и глаза у него полезли на лоб:

— Ты че, мать, совсем ненормальная?! Я тебе че, цирковой акробат из Дю Солей?!

— Слово не воробей, сам выбрал действие, — хмыкнула Полина и тут же демонстративно отодвинулась назад, подняв руки. — Сразу говорю: я пас, у меня платье, я с тобой кувыркаться не буду, хоть и смогла бы. Ищи напарницу!

Макс оглядел круг, и тут влез Дима, который, видимо, решил подлить масла в огонь и заодно выслужиться:

— Так вон Анька вроде как тоже йогой занимается! Я утром слышал, как Вика говорила, что она с ковриком не расстается!

Аня мгновенно выпучила глаза и метнула в Диму такой сердитый, испепеляющий взгляд, что, будь у нее лазеры вместо глаз, от этого инструктора осталась бы только кучка пепла. Вика рядом громко рассмеялась, хлопнув подругу по колену.

— О-о-о, Кексик?! — тут же загудел Макс, вскакивая на ноги и протягивая ей руку. — Выручай, спасительница, не дай мне опозориться перед обществом!

— Не-не-не, так нечестно! — взорвалась толпа. — Пусть Дима с Викой тоже выходят! Устроим баттл пара на пару, кто дольше продержится!

Народ загудел так громко и дружно, что деваться им всем было уже некуда. Дима с Викой, переглянувшись и посмеиваясь, тоже вышли на центр ковра.

Начали с самых простых поддержек — вроде «самолети-

ка», где парни лежали на спине и держали девчонок на вытянутых ногах. Сначала Макс с Димой даже нагло ухмылялись и кричали, что это полная фигня и разминка для детского сада. Но Полина с телефоном в руках вошла в азарт и начала показывать картинки одну сложнее другой.

Никто сдаваться не собирался. Судя по тому, как легко Вика прогибалась и тянула носок, она тоже когда-то занималась растяжкой. Но когда Полина открыла третью серию фоток — там уже пошел чистый акробатический треш, где девчонки буквально висели в воздухе в глубоких шпагатах и мостиках, опираясь только на стопы и ладони парней.

Я сидел на диване и чувствовал, как у меня с каждой секундой все сильнее сжимаются кулаки на коленях. Я напрягся так, что заныла шея. В голове мелькнула одна здравая мысль: куда Вика в своей короткой юбке полезет, да и Анька в джинсах хрен что сделает — последнее даже немного радовало, хоть не сверкнет ничем перед этими остолопами.

Но девчонки в зале быстро решили проблему.

— Так, стоп! В джинсах и юбке не считается, порвете все! — скомандовала Лера. — А ну марш наверх, переоденьтесь во что-то спортивное, пять минут даем!

Через пять минут Аня и Вика спустились обратно. Обе в коротких обтягивающих спортивных шортах и топах.

По гостиной прокатился дружный мужской гул. Стас сидящий рядом со мной, со всей дури нахлопал меня по плечу и с наглой ухмылкой вклинился чуть ли не в первый ряд у

самого ковра, чтобы лучше видеть. Я сжал челюсти так, что, казалось, сейчас крошиться начнут.

«Сука... ну почему она опять без меня в эту херню ввязалась?!»

И пошла битва.

Сначала парни держались бодро, но уже на второй сложной позе, где нужно было держать девушку в прогибе над собой на одних ногах и вытянутых руках, у обоих начали предательски трястись мышцы. Дима пыхтел, как паровоз, стараясь удержать Вику, которая то и дело слегка медлила и теряла равновесие, смеясь и хватаясь за его запястья.

А вот Анька... Черт бы ее побрал. Она двигалась так плавно, легко и точно, что у меня перехватило дыхание. Она вообще не суетилась — просто идеально держала баланс, сама подстраиваясь под каждый дрожащий рывок Макса. На финальной фигуре, когда Полина показала поперечный шпагат в воздухе на стопах партнера, Вика с Димой не выдержали и с хохотом завалились на ковер.

А Аня — вышла. Идеально. Ровно, красиво, с грацией чертовой пантеры, вытянув ноги в безупречную линию над самым лицом Макса, который к тому моменту уже весь покраснел от натуги.

— Блядь, Анька, слезай быстрее, — задыхаясь и ржа во весь голос, прохрипел Макс снизу, — а то у меня сейчас реальный стояк будет от такой красоты, если мы не прекратим!

Девчонки вокруг покатились со смеху, Аня мгновенно

вспыхнула как маков цвет, баланс качнулся — и Макс, громко гогоча, не стал ловить ее аккуратно, а просто сдернул ее вниз прямо на себя, зажав в охапку на ковре и катаясь с ней под всеобщий хохот.

Я смотрел на то, как его руки обнимают ее за талию в этих чертовых коротких шортах, слышал его мерзкий гогот — и понял, что сейчас еще секунда, и я просто подойду и сломаю ему нос прямо посреди этой гребаной вечеринки.

Едва народ отдышался после акробатического шоу и Аня наконец выпуталась из медвежьих объятий Макса, Стас снова схватил бутылку.

— Крутим на двоих! — объявил он с азартным блеском в глазах. — Кто выпадет — тот и играет.

Бутылка закрутилась, замедлила бег — и горлышко снова уперлось ровно в Аню.

— Ну, Снегурочка, тебе сегодня везет, — ухмыльнулся Стас. — Правда или действие?

— Действие, — выдохнула Аня, поправляя выбившиеся из косички пряди.

«Мало ей, что ли, — мрачно подумал я, глядя на нее. — Или еще не поняла, насколько тут отбитые люди сидят?»

Но по ее раскрасневшемуся лицу и горящим глазам было видно: шампанское окончательно сняло все тормоза. Она влилась в этот круг и за какой-то час из тихой домашней мышки превратилась в невероятно сексуальную, хрупкую кошку, от которой невозможно было оторвать взгляд.

Стас потер ладони, прищурился и выдал с наглой ухмылкой:

— Значит так. Правила меняем: сначала я озвучиваю задание, все девчонки выходят из круга, а я кручу бутылку, чтобы выбрать тебе партнера. — Он сделал театральную паузу, буравя ее взглядом. — Действие такое: поцелуй. Но не детский чмок в щечку, а настоящий, взрослый, французский поцелуй. И не здесь, посреди этого балагана, а на улице — под снегопадом и фонарем. Как в гребаной романтической мелодраме!

«Ей-богу, идиот», — пронеслось у меня в голове. Стас даже не скрывал, на кого рассчитывает — он пожирал ее взглядом и уже заранее пристраивал руку к бутылке, явно собираясь подкрутить так, чтобы выпало на него. Парни вокруг одобрительно загудели и потерли ладони в предвкушении.

Только Дима тут же поднял руки и демонстративно отсел назад, косясь на Вику:

— Я пас, мужики, вычеркивайте. Сразу говорю: она мне как сестра, не по понятиям.

Парни дружно заржали и сдвинулись в кругу еще плотнее. Я видел, как Аня в ту же секунду напряглась и прикусила нижнюю губу — кажется, до нее наконец дошло, в какую авантюру она ввязалась, и она уже сто раз пожалела о своем выборе.

Стас с сосредоточенным видом крутанул бутылку. Она вертелась долго, как назло, а я сидел и молча выискивал

взглядом, на кого из этих утырков поставлю следующий красный флажок сапера.

Бутылка замедлилась... дернулась... и замерла ровно посередине между мной и Максом.

В гостиной повисла секунда, все вытянули шеи, глядя, куда же качнется горлышко. Наконец стекло тихо звякнуло, чуть повернувшись в мою сторону.

Макс громко простонал от досады, хлопнув себя по лбу, но тут же заржал. А вот я ни хрена не изменился в лице. Просто молча поднялся с дивана, подошел к ковру и протянул Ане руку.

Она подняла на меня растерянный взгляд, плотно поджала губы — я так и не понял, разочарована она тем, что выпал именно я, или просто не хочет выполнять это дурацкое задание. Но отступать перед толпой она не стала: молча вложила свою маленькую горячую ладонь в мою и поднялась на ноги.

В прихожей она наспех накинула свою удлиненную куртку прямо поверх спортивного топа и коротких шорт, даже не застегивая молнию, а я только сунул ноги в кроссовки на босу ногу.

Мы вышли на улицу, встав прямо под мягко падающий снег и желтый свет уличного фонаря. Но вся эта гребаная орава зрителей тут же вывалила следом на крыльцо, толкаясь в дверях и начиная орать и комментировать:

— Не-не, левее встаньте, отсюда свет плохо падает!

— Дайте нормальный ракурс, кино снимаем!

Они гоняли нас по двору как двух дураков, пока у меня окончательно не лопнуло терпение.

— Да заткнитесь вы все, режиссеры хреновы! — рявкнул я так, что на крыльце мгновенно притихли.

Не дожидаясь новых комментариев, я развернулся спиной к дому, слегка закрывая им обзор своими плечами, наклонился к Ане и просто молча, быстро поцеловал ее в губы — чисто для галочки, не глядя ни на что.

— Э-э-э, так нечестно! — тут же заныла толпа на крыльце. — Вообще ничего не видно! И это слишком быстро, ни хрена не французский! Халтура!

Я раздраженно выдохнул, но на этот раз не стал ругаться — просто посмотрел вниз, прямо на Аню.

И замер.

В ее растрепанных темных волосах запутались белые снежинки, щеки полыхали ярким румянцем. Она явно жутко волновалась: стояла передо мной как вкопанная, нервно прикусывая нижнюю губу, а ее большие глаза блестели от шампанского и света фонаря.

Я вдруг понял, что мне глубоко плевать и на зрителей на крыльце, и на эту идиотскую игру.

Я медленно поднял руки, осторожно взял ее разгоряченные щеки в свои ладони и наклонился к ее лицу. Остановился буквально в сантиметре от ее губ, тихо выдохнул — и сделал то, чего, признаться честно, сам хотел еще с первого вечера.

Это не был поцелуй ради выполнения дурацкого фантика, как сделала бы любая другая девчонка из этой компании — мы все это уже проходили на прошлых тусовках, где люди просто напоказ пожирали друг друга и ухмылялись.

Я коснулся ее губ мягко, почти невесомо. Аня сначала мелко вздрогнула всем телом, распахнула глаза и ошарашенно посмотрела на меня снизу вверх. Но через секунду ее ресницы дрогнули, она закрыла глаза, горячо выдохнула мне прямо в губы — и ее пальцы робко сжали мою футболку на животе, неуверенно, но по-настоящему отвечая.

У меня внутри что-то оборвалось. Забыв обо всем, мы начали выполнять то, что и должны были — но теперь это было по-настоящему.

Ее губы оказались невероятно мягкими, горячими, со сладковатым привкусом шампанского. Холодные хлопья снега таяли на наших щеках, а ее руки все сильнее, отчаяннее комкали мою футболку. Мне приходилось сгибаться в три погибели под ее крошечный рост, пока я окончательно не забылся нахрен — я обхватил ее за талию, сжал в своих руках и одним движением подхватил ее под ягодицы, легко приподнимая вверх, чтобы она оказалась ровно на одном уровне со мной. Аня тихо ахнула мне в рот и инстинктивно обвила руками мою шею, зарываясь пальцами в волосы на затылке.

— Окей, окей, всё, ладно, выполнено! Засчитано! — завопили и засвистели зрители на крыльце.

Аня тут же отпрянула, тяжело дыша и ошарашенно глядя на меня широко распахнутыми глазами. Я усмехнулся, чувствуя, как ее пальцы все еще замерли у меня на затылке, и хрипло, едва слышно проговорил:

— Неплохо, Снегурочка.

До нее словно только сейчас дошло, в какой позе мы стоим. Она мгновенно вспыхнула еще сильнее и смешно задрыгала ногами в воздухе, требуя, чтобы я ее отпустил. Стоило ее ботинкам коснуться снега, как она вывернулась из моих рук и со всех ног припустила обратно в дом, едва не сбив с ног хохочущего Стаса в дверях. Толпа на крыльце загудела и загоготала еще громче, вваливаясь следом в тепло.

А я так и остался стоять один под желтым светом фонаря.

Дождался, пока за последним зрителем захлопнется входная дверь и во дворе снова воцарится тишина. Потом медленно запрокинул голову вверх, подставляя горячее лицо падающему снегу, закрыл глаза и криво усмехнулся.

Эта зима явно катилась совсем не по тому склону, который я планировал. Но, черт возьми, я был готов лететь по ней кубарем и ломать себе ребра — лишь бы снова сыграть с ней в это действие.

Глава 10

Как Дима вчера и предупреждал, с самого утра наводить порядок в разгромленной гостиной пришлось самым стойким.

Первым на боевой пост заступил сам Дима — поскольку он вообще не пил, выглядел он свежим как огурчик и бодро собирал в черный мешок пустые бутылки. Второй была Вика: она хоть и мужественно стояла на ногах, опираясь на кухонный остров, но помощница из нее сейчас была так себе — подруга медленно моргала, прижимала к лбу холодную банку газировки и тихо постанывала при каждом громком звуке. Третьей оказалась Полина, которая носилась по комнате как резвая лань, хотя вчера пила наравне со всеми. Ну и четвертой была я. Как ни странно, голова у меня вообще не болела, только проснулась я на час позже обычного, а при воспоминании о вчерашнем поцелуе под фонарем щеки до сих пор начинали предательски гореть, стоило мне хотя бы мельком глянуть в сторону входной двери.

Был, правда, еще и пятый участник нашего утреннего субботника — Стас. Но помощником его назвать язык не поворачивался. Он спустился вниз минут двадцать назад исключительно от жажды, выдул залпом пол-литра воды прямо из горла бутылки, с грохотом рухнул на диван, бесцеремонно спихнув на ковер какого-то незнакомого парня, уснувшего

там ночью. Бедняга только промычал, пошатываясь, пробормотал: «Бля, где я...» — и, нащупав в прихожей свои ботинки, молча побрел в сторону своего шале.

— Слушай, Кексик, как только мы этот свинарник разгребем, в десять идем в цокольный этаж на йогу, — объявила Полина, смахивая крошки со стола в пакет. — Мне безумно нравится, что я в этом доме теперь не одна отбитая помешанная на растяжке! Кстати, я вчера чуть челюсть не уронила, когда увидела, как ты в воздухе сложилась. Где ты так круто натренировалась?

Вика, которая как раз сделала спасительный глоток крепкого кофе и немного ожила, тут же влезла вперед меня:

— Ой, да Анька у нас вообще скрытый талант! Она в детстве и гимнастикой занималась, и на танцы ходила, а в универе даже в группу поддержки к чирлидершам ходила на тренировки! Ее в основной состав звали, но она застеснялась и не пошла.

Из-за спинки дивана вдруг вздернулась лохматая голова Стаса. Он уставился на меня прищуренными, сонными глазами и хрипло спросил:

— Хочешь сказать, тебя там под потолком подкидывали?

Я закусила нижнюю губу и смущенно пожала плечами, стараясь не встречаться с ним взглядом.

— Блядь, ты как конфета, — усмехнулся Стас, укладывая подбородок на сложенные руки поверх спинки дивана. — С виду вроде ничего необычного, простая какая-то... а

чем больше кусаешь, тем вкуснее. Может, ну ее на хрен, эту уборку? Пойдем, я тебя в своей комнате йоге научу... или ты меня?

Он быстро покосился в сторону Полины, проверяя ее реакцию, и нагло подмигнул мне. Я вытаращила глаза, не зная, куда деваться от такого прямолинейного подката, но не успела даже пискнуть — мимо моего плеча со свистом пролетела пустая картонная коробка из-под сока и шлепнулась Стасу прямо в лоб.

— Вечеринка закончилась, закрывайся обратно в свой черный кокон, придурок! — резко бросила Полина, глядя на него с такой холодной злостью, что у меня даже мурашки по спине пробежали.

Стас тут же дернул носом, криво усмехнулся — но по тому, как мгновенно потяжелел его взгляд, было видно, что фраза задела его за живое. Он ничего не ответил, только тихо выругался себе под нос и со стоном рухнул обратно на подушки дивана, отвернувшись.

Я растерянно перевела взгляд с него на Полину, потом достала из кухонной аптечки упаковку шипучего аспирина, растворила пару таблеток в стакане воды и тихо поставила на журнальный столик рядом с диваном. Стас приоткрыл один глаз, мазнул по мне взглядом, буркнул глухое: «Спасибо» — и снова закрыл глаза.

«Что это уже с ним? — озадаченно подумала я. — Так быстро сменил курс из веселого балагура в мрачного зверя?»

Я вопросительно посмотрела на Полину. Та лишь злобно хмыкнула и принялась с остервенением сметать пластиковые стаканчики со стойки.

— Что это с ним? — тихо спросила я, подходя ближе.

Полина на секунду замерла, ее плечи напряглись, и она словно закрылась в панцирь, уставившись в пол.

— Ладно, извини, — тут же пошла я на попятную, чувствуя неловкость. — Не знала, что это что-то личное.

— Да ничего там личного! Просто он козел, — вдруг громко, с какой-то злой горечью выплюнула Полина. — И вся их компашка такая же! То спорят на девчонок, то отбивают друг у друга на спор, а то... — Она резко запнулась, бросив быстрый взгляд в сторону дивана, и закончила уже тише, но так, чтобы точно было слышно: — ...а то и вовсе просто используют, когда скучно.

Слыша это, Стас шумно поднялся с дивана. Лицо у него стало каменным, желваки заходили на скулах. Он со всей дури пнул ногой невысокий журнальный столик так, что тот отлетел в сторону, а мой стакан с нетронутым аспирином с грохотом рухнул на пол и разлетелся на мелкие осколки. Мазнув по Полине тяжелым, сердитым взглядом, он молча накинул в прихожей черную куртку и хлопнул входной дверью, выходя на улицу.

В гостиной повисла звенящая тишина.

«Кажется, у этих двоих явно что-то случилось», — подумала я, переводя взгляд с осколков стекла на побелевшую

Полину, но лезть с расспросами не стала.

Дима тяжело вздохнул, просверлив взглядом закрывшуюся дверь, а Полина молча бросила свой мусорный пакет прямо на пол и быстрым шагом поднялась по лестнице наверх.

Вика растерянно похлопала глазами, глядя им вслед, и виновато пробормотала:

— Ладно, ребят, я, пожалуй, пойду еще немного посплю... Простите, голова раскалывается.

И тоже поплелась к лестнице. В гостиной остались только я, Дима и куча мусора посреди ковра. Я лишь тяжело вздохнула, сходила на кухню за веником и совком, смела осколки и, подхватив брошенный Полиной пакет, принялась собирать стаканчики дальше.

— Не обращай внимания, Снежинка, — негромко сказал Дима, собирая пустые бутылки со стойки. — У них это норма. Стас долго за ней бегал, еще с прошлого сезона, пока она с бывшим не рассталась. Потом вроде что-то у них закрутилось, а после одной ночи он по пьяни ляпнул друзьям, что это так, просто разрядка без обязательств. Полина услышала. Ну и сама понимаешь... судя по тому, как они теперь друг на друга кидаются, там было что-то большее, просто он признать этого не может, гордость мешает, а она злится и близко больше не подпускает. Через неделю замутила с другим парнем ему назло — и вот так они теперь каждый раз искрят.

Я молча кивнула, завязывая пакет, и посмотрела в панорамное окно. На улице, облокотившись на деревянные пери-

ла крыльца, стоял Стас. Он нервно курил, щурясь от морозного ветра, в одной расстегнутой куртке.

Мне вдруг стало его по-человечески жаль — за этой наглой маской бабника явно прятался человек, который сам запутался в собственной дурости.

Я прошла на кухню, включила кофемашину, сварила большую кружку горячего черного кофе без сахара, нашла на вешалке в прихожей черную вязаную шапку (надеюсь, она принадлежала именно ему, а не Руслану) и толкнула входную дверь.

На улице было свежо и тихо. Стас стоял ко мне спиной, выпуская дым в морозный воздух. Я подошла, молча поставила дымящуюся чашку прямо на деревянные перила рядом с его локтем.

Он вздрогнул, повернул голову и мазнул по мне удивленным взглядом, выгнув бровь. А потом я протянула и вложила прямо в его свободную руку теплую вязаную шапку.

— Мало ли твой друг и тебя наругает, если простынешь, — тихо сказала я, чуть улыбнувшись. — Папочка будет зол.

Стас пару секунд смотрел на шапку в своей руке, потом перевел взгляд на меня — и вся злость с его лица мгновенно сошла. Он тихо усмехнулся, протянул руку и по-дружески, слегка небрежно потормошил меня по макушке, окончательно растрепав волосы.

— Забавная ты, Анька, — проговорил он с легкой хрипотцой, натягивая шапку на голову. — А ну вали обратно в

дом, сама-то вообще без штанов выскочила.

Он мазнул взглядом по моим голым ногам в домашних коротких шортах и легким толчком в плечо развернул меня к двери.

— Папочка точно будет зол, если у тебя ноги отмерзнут. Спасибо за кофе.

И снова отвернулся к лесу, затягиваясь сигаретой, а я быстро юркнула обратно в тепло, чувствуя, что на душе стало чуточку светлее.

К десяти утра дом снова опустел, словно после вчерашней вечеринки здесь никого и не было. Дима погрузил огромные черные мешки с мусором в багажник и уехал к контейнерам, Стас куда-то исчез с крыльца, Вика так и не вылезала из-под одеяла, а Полина, судя по тишине на втором этаже, тоже решила отлежаться.

Я быстро сообразила себе легкий завтрак — тосты с авокадо и зеленый чай, — а потом поднялась к себе, переоделась в спортивный топ с лосинами, прихватила скетчбук с карандашами и спустилась на цокольный этаж искать тренировочный зал.

Зал оказался просторным, светлым и на удивление круто оборудованным: зеркала во всю стену, беговые дорожки, стойка с гантелями, груша в углу и мягкие маты для растяжки. Прямо мини-фитнес-центр, не иначе. И, главное, ни души.

Я подошла к музыкальному центру на тумбочке у самого

входа в зал, потыкала кнопки в поисках чего-нибудь спокойного для медитации, но местное радио шипело помехами. Пришлось достать телефон, положить его рядом на панель, подключиться по блютузу и включить единственный новый плейлист, который у меня был — который мне вчера вечером на вечеринке скинул Стас.

Я расстелила коврик, встала в начале коврика и прислушалась.

Для йоги эта музыка не подходила от слова «совсем». Тяжелые, пульсирующие басы, ломаный ритм, резкие электронные переходы — под такие треки я бы, наверное, в универе в группе поддержки под самым потолком летала, туда эта бешеная динамика легла бы идеально.

Но, встав в сложную стойку на предплечьях и закрыв глаза, я вдруг поймала странное ощущение. Вместо того чтобы раздражать, этот рваный ритм начал складываться у меня перед внутренним взором в четкие графичные линии, вспышки неона и холодные горные контуры. У меня был ровно один день до их важного вечернего сета, чтобы попробовать воплотить эту музыку в живой эскиз — не знаю, зачем мне это вообще сдалось, но руки буквально зачесались. Смогу ли я поймать этот вайб на бумаге? Я не знала, но интерес уже захватил с головой.

Я тут же плавно сменила позу, перешла в глубокий прогиб, продержалась минуту — и, вскочив на ноги, подлетела к своему скетчбуку на скамейке, лихорадочно делая быст-

рые наброски карандашом. Потом снова вернулась на коврик, сделала еще пару сложных связок, отмотала трек назад на телефоне и снова замерла в нелепой скрученной позе, закрыв глаза и тихо застонав от напряжения в мышцах, пытаясь поймать нужный переход бита.

Музыка оборвалась так резко, что в ушах зазвенело.

Я распахнула глаза — и застыла на месте в абсолютно нелепой позе, буквально задницей вверх.

В трех метрах от меня, прислонившись плечом к косяку двери, стоял Руслан. Без майки, в одних черных спортивных шортах, открывающих рельефный торс и татуировки на плечах и ребрах. Он скрестил руки на груди и чуть склонил голову набок, разглядывая меня таким тяжелым, изучающим взглядом, как голодный волк из засады.

Меня мгновенно обдало таким жаром, что, казалось, сейчас вспыхнут волосы. Я так и оцепенела в этой дурацкой стойке, не в силах даже пошевелиться.

— Если у тебя свело спину, так и скажи, — усмехнулся он, выдержав добрую минуту издевательской паузы, пока я бессмысленно хлопала глазами.

Не дожидаясь ответа, он в два шага оказался рядом, бесцеремонно перехватил меня обеими руками за талию, легко перевернул в воздухе и поставил на ноги так, словно я весила не больше пушинки. Я от неожиданности коротко пискнула и тут же отскочила на шаг назад, вцепившись руками в край топа.

— Вообще-то я и сама могла! — выпалила я, лихорадочно подскакивая к скамейке и впопыхах захлопывая свой блокнот с набросками.

Руслан прищурился, кивнув головой в сторону входа, и спросил с ленивым, хозяйским раздражением:

— Ты расписание на двери вообще смотрела? Сейчас наше время.

Я тут же нахмурилась, почувствовав, как внутри вместо смущения стремительно закипает злость. Утренние слова Полины будто набатом ударили в голову: про то, кто они такие — эти парни в черном, которые спорят на девчонок, отбивают их друг у друга и просто используют на разок ради развлечения.

И этот его сейчас холодный, насмешливый взгляд, эти придирки из-за какого-то дурацкого расписания подтверждали всё на сто процентов. Всё, что произошло вчера ночью под фонарем, было для него просто банальной игрой, очередным тупым фантом на вечеринке. Пока я всё утро стыдливо пылала и прятала глаза, он просто поставил очередную галочку с новой девчонкой — и, видимо, не очень-то ему и понравилось, раз разговаривает теперь так, будто я пустое место под ногами.

«Да и больно надо!»— зло подумала я, вскидывая подбородок.

— Полина сказала, в десять можно спускаться, — отчеканила я ледяным тоном.

Я одним резким движением сгребла со скамейки свой скетчбук с карандашами, метнулась к музыкальному центру у двери, буквально вырвала свой телефон из рук Руслана, пока он как раз потянулся к панели, чтобы отключить блютуз, и, даже не оглянувшись, молча вылетела из зала.

«Хоть обзанимайся, козел! — кипело у меня внутри, пока я взлетала по лестнице на второй этаж. — Чтоб у тебя судорогой ногу свело на первой же дорожке!»

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.